

25 Juin 1937.

LES COSAQUES LIBRES

Xe Année

25 ИЮНЯ 1937 г.

223

25 ЧЕРВНЯ 1937 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

РІК ВІДАННЯ 10-ий

Содержание:

1. **Константин Поляков:** Перо мое еще не заржавлено.
2. **Сергей Чепурной:** Весеннее.
3. **Николай Лапкин:** Родимый мой край.
4. **Зах. Кондрашов:** Набат.
5. **Ив. Коваленко (Скубани):** Прием в сич.
6. В большом свете.
7. Проект кубано-горского «договора дружбы».
8. Трагедия Казачества.
9. **А. Ленивов:** Борьба за Азов.
10. **А. Луговский:** Казачья держава будет!
11. **Ген. И. Коноводов:** Слышу!
12. **Полк. А. Ермаков:** О «бывших».
13. **А. С. Тырин:** Что могло быть.
14. **Ходкевич-Сапсай:** Ставаймо усі під прапор один.
15. **А. Левивов:** ВК округу в Болгарии.
16. Казачья эмиграция.

Почтовый ящик:

Мальмо. А. Т. 220-ый номер в Данию С. послан. Привет.
Бухарест. С. М. Опоздало. Будет помещено в следующем номере. Привет.
Десин В. Ф. Получено. Привет.
Экюлли. И. К. Получено. Спасибо. Привет.
Войск. ст. В. Ф. Шев-ко редакция «ВК» просит сообщить свой адрес.
Лион. В. К. Получено. Привет.
Кнютанж. К. С. Спасибо. Привет.
Австралия. В. З. Ваше объявление о розыске помещается бесплатно. Привет.

Лион. Т. К. Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Брюссель. Г. Р. Получено. Привет.

РОЗЫСК:

Варвара Ивановна **Зевакина**, казачка Уральского Войска, розыскивает родного брата Трофима Ивановича **Кораблева**, находящегося, по слухам, в Польше. Лиц, знающих о нем что либо, прошу отозваться по моему адресу P.O. Cordalba, via Childers, Queensland, Australia.

300-летие взятия Азова

Собрание, назначенное на 26-е июня, и панихида, назначенная на 27-е июня, **ПЕРЕНОСЯТСЯ** соответственно:

собрание — на 10-е июля в 8 с половиною часов вечера в том же помещении (15, авеню Ош), а панихида и обед — на воскресенье 11-го июля.

Докладчиками будут: ген. **И. Н. Коноводов** и окр. атаман **А. К. Ленивов**.

Панихида будет отслужена в 11 с половиною часов дня в церкви на улице Лекурб, 91. Будет петь казачий хор.

Предварительная запись на обед производится у лиц, перечисленных в прошлом номере журнала.

Приглашаются все казаки, для которых все казачье стоит на первом месте, посетить собрание и панихиду и принять участие в обеде.

К СВЕДЕНИЮ ВСЕХ КАЗАКОВ ВО ФРАНЦИИ.

В дополнение к оповещению, напечатанному у нас в прошлом номере, настоящим доводится до сведения, что условия летнего отдыха в казачьем лагере на Юге, на берегу моря около Сэн-Максима, следующие:

2 недели — 485 фр.; 3 недели — 555 фр.; 4 недели — 660 фр.; 5 недель — 765 фр. и 6 недель — 870 фр.

В эту сумму входят: стоимость билета от Парижа до места лагеря и обратно, полный пансион и пользование палаткой.

Рекомендуется казакам взять с собой — одеяло, подушку и простыню. Остальные спальные принадлежности будут выданы там.

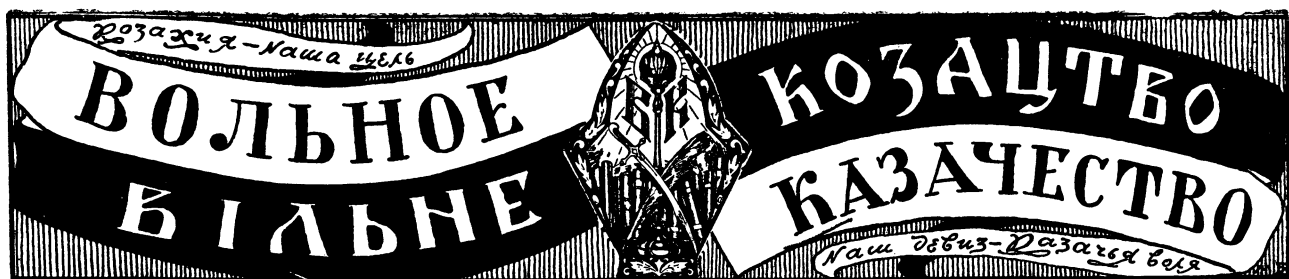
Если запишется в лагерь для отдыха не менее 50 казаков, то представляется возможность поставить палатки совершенно отдельно от других лагерей с своей казачьей кухней.

При этом же условии, т. е. если запишется много казаков, есть возможность устроить на отдых несколько человек бесплатно.

Практически это так: если запишется группа в 19 человек, то 20-й может ехать в лагерь бесплатно.

В лагерь могут записываться казаки, казачки и казачата из любого места Франции, при чем, казачата до 12 летнего возраста платят половину суммы, указанной выше. Могут записываться в казачий лагерь отдыха и украинцы, грузины, армяне и др., на тех же условиях.

Всем тем казачьим организациям, кои еще не получили подробной информации, обращаться за таковыми к заведывающему лагерем, сотнику Кубанского Войска **Е. Т. Гетманову** в парикмахерскую по адресу: **М. Е. Guetmanoff (coiffeur), 29, rue Lemer cier, Paris (17°).**

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16e)

№ 223

Пятница 25 июня 1937. — Пятница 25 червня 1937.

№ 223

Константин ПОЛЯКОВ.

Перо мое еще не заржавело

Перо мое еще не заржавело.
Из рук моих не выпало оно.
Огонь борьбы решительной и смелой
В груди моей пылает уж давно.

Не уступлю! Другие пусть уступят —
Отнявшие отчизну у меня.
Посулами покой у нас не купят,
Не угасят святой борьбы огня!

Не замолчу! Они пусть умолкают;
Пусть со степей уйдет их злая рать!
Мы жить, как все, хотим,
А нас в крови купают,
У стенок заставляют умирать!

И днем, и ночью, в сумерках изгнания
Я слышу зов степей: Вперед!
Не слыша, слышу я далекие рыдания:
В крови, в неволе стонет наш народ.

Сейчас я лью чернила на бумагу
И словом со своим врагом борюсь.
Питая в сердце пламенном отвагу,
Последний бой с тобой готовлю, Русь!

И знаю, что молчать я не смогу, не буду,
Не потому, что песни петь привык,
А потому, что долг свой не забуду,
Пока в степях царит московский штык.

Перо мое уже не заржавеет,
Бумагу не покроет пыль.
В груди моей огонь борьбы смелеет
И сжечь он хочет травную бль.

Сергей ЧЕПУРНОЙ.

ВЕСЕННЕЕ

Опять весна... но, в стороне чужой...
Проснулся лес и зашумели воды,
И под окном цветет цветок... не мой...
И так вот — долгие в разлуке годы.

И с грустью на душе я думаю о том,
Следя за перелетной стаей, —
Наверное и там гремит весенний гром
И журавли летят над Краем...

Хоть не могу, но хочется забыть
Явь жизни серой и постылой,
И хочется безумно все любить
Весной в степи далекой, милой.

И на коне своем, мечтая, проскакать
Весеннею стрелой пронзенным...
Но, нет! Мне суждено страдать,
Судьбой в края чужие занесенным ...

И каждый год вот так я думаю весной
С тоской щемящею и с болью
И жду с надеждою весны иной —
Всесокрушающей, несущей Волю.

Николай ЛАПКИН.

Родимый мой Край

Эх ты, родимый мой Край исстрадавшийся,
Долго-ль ты будешь под властью «звезды»,
Долго-ль над степью твоей хам зазнавшийся
Будет глумиться, не ведая мзды?...
Долго-ль птенцы твои, славой покрытые,
Львы несравнимые, дети побед,
Будут скитаться чужие, забытые,
Жизнь влача жалкую, полную бед?...
Чудный мой Дон и Медведица гневная,
Так-ли столп лунный купается в вас,
Так-ли разпосится песня напевная,
Как ее слушал в последний я раз?...
Милые дали! родной вереницею
Носитесь в мыслях: и Дон, и Кубань,
Терек, Казачество, храмы... станицы...
Степи... а в них: бродит Марксова рвань!
Эх ты, судьба бесталанно-схидная,
Доля собачья и жизнь бедняка —
Раб управляет свободным. Обидная
Участь постигла тебя, казака.
Или опутали Волю могучую
Чудные бредни о моши былой

Той «Неделимой», что с первою тучею
Рухнув, распяла и Край наш родной?...
Братья станичники! крест незаслуженный
Нам подарила за подвиг судьба —
Стонет под игом его казак-труженик
Здесь и в Степи, а спасенье — борьба!
Дружной семьею, казачьей, могучею,
Сети чужие навеки порвав.
Лавой лихой — благодатною тучею
Спустимся все мы к родным берегам!
Пусть не постигнет проклятье обиженных
Тех, кто за ширмой чужой зрит концы,
Верьте, родные, не будут унижены
Жизненной Воли казачьей творцы....
Пусть нас не спросят грядущего судии:
Где были мы, когда поднят был стяг?
Все — за Казачество! Час правосудия
Быстро идет — это знает и враг.
С верою в Правду — в ряды обездоленных
Братьев Степей! Пусть девятый наш вал
В степь понесет нас Казачьею Волею:
Сладка и смерть за родной идеал!

Зах. КОНДРАШОВ.

НАБАТ

Гудит набат на милой родине...
Гудит... все ширится... растет...
На бой кровавый, бой последний
Он вновь Казачество зовет:

«Вставай, Казачество родное,
Страхни ты ига палачей
И от окзв и слез кровавых
Избавь ты жен и матерей!...

Они все плачут о свободе,
Свободе той, что мир, покой
Дает счастливому народу...
Того там страстно ждут с тоской».

А из далеких стран несется голос,
То голос Вольных Казаков:
«Дерзайте, братья! Мы поможем
Изгнать из Края всех врагов...

Дерзайте, братья! За оружие!
Седлайте коней и... в поход!
Докажем всем, что мы не даром
Когда то Вольный был Народ!»

Набат гудит... Напоминает,
Что час борьбы уже настал...
Несутся крики... звон оружия...
Полки идут...

Мой Край восстал.

Ив. КОВАЛЕНКО (Скубани).

ПРИЕМ В СИЧ

Коль веришь, дружище, в заветы Христа,
Молитву Господнюю знаешь,
Считать свои гроши умеешь до ста,
Тютин и вино поважаешь;

Коль можешь рубиться с врагами в бою,
И в цель твой мушкет попадает,
Коль страх и предательство в душу твою
В опасный момент не вползает, —

То слава тебе! А какой ты страны:
Вскормила-ль тебя Украина,
Чужой-ли ты рыцарь, любитель войны,
Батрак или сын дворянина,

Нам вовсе не важен вопрос сей пустой —
Живи между равными равный,
Будь храбрым защитником степи златой,
Будь верен традициям славным.

Целуй же Штандарт наш и биться клянись
За Сич, за спокойствие Края
И вольным, как все мы, до смерти зовись,
Казачью честь не роняя...

Так в Сичи Днепровской, блюдя старину
И Коша священный обычай,
Ценили в пришельцах лишь удаль одну.
Не знали иных там различий.

В БОЛЬШОМ СВЕТЕ

На большую международную политику, особенно европейскую, большое влияние оказывают сейчас большие события в СССР.

Ликвидация девяти красных генералов во главе с Тухачевским — кандидатом в главнокомандующие западным советским фронтом на случай войны СССР в Европе (восемь расстреляно, а один успел застрелиться сам) — произвела в Европейском политическом мире ошеломляющее впечатление.

Несомненно, что красная армия ликвидацией цвета ее верхушки, значительно ослаблена. Думаем, что, во всяком случае, командный состав ее до некоторой степени деморализован, ибо обвинение, предъявленное красным генералам, независимо от того, правдиво оно или не правдиво, обвинение страшное. Правду говоря, — в истории встречающееся раз в тысячелетие. Действительно, девять старших генералов, девять вождей красной армии обвинены одновременно в нарушении присяги, измене отечеству, измене народам СССР, измене рабоче-крестьянской красной армии, во главе которой они стояли, обвинены в том, что были шпионами враждебного Советам государства, выдавали ему секретные сведения о состоянии красной армии, намеренно ослабляли советские военные силы и готовили поражение красной армии в будущей войне, с целью «восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов»...

Независимо от того, правда все это или неправда, расстрел красных генералов свидетельствует, что не благополучно, далеко не благополучно в красном царстве. Если царская империя была колоссом на глиняных ногах, красная империя московских большевиков может в одно прекрасное утро оказаться колоссом с глиняной головой.

В то время, как «советский народ» никак не реагировал на очередную расправу сегодняшних любимцев его с его любимцами вчерашними («народ безмолвствует» или одобряет, очевидно — «благоденствует»), во внешнем мире отзвуки московских казней получились весьма большие. Особенно надо отметить тревогу в военных и политических кругах тех государств, которые связаны с Советами военными или политическими союзами. Тревогу и разочарование. Подорвана вера в силу красной армии. Подорван престиж Франко-советской союзной системы. А больше всего подорван престиж самого СССР.

Как мы и говорили это не раз, ставка на Советы — плохая ставка, советская карта в международной игре — не верная карта. СССР — не надежный союзник...

Терпит неудачу за неудачей Москва и в Испании...

Тем больше усиливается значение в Европе государств антибольшевистского блока.

Особенно знаменателен наметившийся поворот Англии (вернее — отворот от большеви-

ков). Несомненно, что начавшиеся переговоры между Англией и Германией, в случае их успеха, могут послужить к умиротворению в Европе и к упорядочению некоторых европейских дел, равно как окажут некоторое влияние и на дальнейшую изоляцию Москвы от Европы.

Во всяком случае — падение советского влияния в Европе бесспорно.

Карточный домик, построенный в Европе за три года товарищем Литвиновым и его дипломатией, разваливается. Еще недавно товарищи в Европе «шумели» и, надо правду сказать, шумели довольно явственно. К голосу тов. Литвинова прислушивались, тов. Литвинов делал «большую политику» и большие интриги — в интересах Москвы и III-го интернационала.

Сейчас товарищам в Европе уже не до шуму...

Но Европа далеко не может сказать, что Москва ей больше не грозит. Москва сейчас в таком положении, что она может попробовать разные выходы, в том числе и какой нибудь внешний конфликт...

Все, что ослабляет нашего противника на фронте внешнем или внутреннем, что уменьшает его влияние и престиж — для нас, для нашего дела только плюс. Каждое ослабление сил Москвы означает одновременное увеличение сил ее противников и наших надежд на скорейшее освобождение Казачества и осуществление казачьей национальной программы.

Надо только поскорее нам закончить наш внутренний процесс консолидации, процесс объединения казачьих патриотических сил под и около программы ВК. — Надежда на это нас никогда не покидала, а сейчас надежда эта переходит в уверенность: вслед за казачьими националистами в Болгарии и казачьи патриоты в Берлине нашли общий язык и поставили интересы казачьего освободительного дела на первое место. Слава им! Это лишний раз подтверждает, что казачий национальный организм внутренне здоров и способен бороться с любой болезнью. Не надо только самим казакам ослаблять его искусственно. Пусть каждый казак знает и никогда этого не забывает, что Казачеству и без того предстоит трудная борьба за свою жизнь и свое будущее на фронте внешнем. Не будем же устраивать ненужных осложнений на фронте внутреннем.

Есть у нас надежда и на то, что и казаки, стоявшие до сих пор вне казачьих национальных рядов, придут и станут под ВК национальное знамя. Но могут не прийти, как не могут перестать быть казаками. Не могут не прийти, ибо в каждом казаке не может не заговорить, в конце концов, казачье сердце...

В Европе делаются большие дела. Европа готовится к большим событиям. А в Москве Европой очень даже сейчас недовольны...

Что же делается сейчас у нас дома? Как чувствуют себя там оккупанты?

Вслед за тов. Шеболдаевым, «полетел» уже и тов. Ларин (донской казак, председатель исполкома Азово-Черноморского края). Новый московский сатрап, т. Евдокимов, усиленно в это время «чистит», ведет «решительную борьбу за разгром врагов народа, ликвидацию последствий вредительства («Молот» от 6 июня с. г.). Сама редакция «Молота» в том же номере «разоблачает, громит и выкорчевывает подлых врагов народа» и поучает ростовскую партийную организацию «извлечь все уроки из того тяжелого положения, в котором она очутилась» было при Ларине и Шеболдаеве...

11-го июня тот же «Молот» рапортует Сталину в Москву: «Еще не все враги выловлены и обезврежены»... «Большевики Азово-Черноморья... разгромят и беспощадно уничтожат

всех до единого наемных агентов фашизма, решительно и без остатка ликвидируют последствия вредительства»...

Значит, борьба там продолжается.

Придет время, когда в эту борьбу активно должны будем вступить и мы, казачья национальная эмиграция. И надо, чтобы это вступление принесло тамошним нашим братьям действительную и существенную помощь. Надо, чтобы казачья национальная эмиграция с честью и с наибольшим возможным эффектом выполнила свою политическо-освободительную миссию, которую возложила на нее история.

И потому:

все казаки — на Казачий Шлях. Все казаки — под свои национальные знамена — бороться за освобождение Казачества и строить свой Казачий Дом — Казаканию.

Проект Кубано-Горского „договора дружбы“

В прошлом номере мы обещали еще раз вернуться к проекту «договора дружбы», подписанному в июле месяце 1919 года в Париже между кубанской и горской делегациями.

Приведем его здесь целиком (цитируем текст, напечатанный в журнале «Вольный Горец» — орган революционной демократии горских народов Северного Кавказа, № 6, 20 октября 1919 г. Тифлис):

«Договор дружбы между правительствами Кубани и республики Союза горцев Кавказа:

«Кубанская делегация, с одной стороны, и делегация Союза горских народов, с другой, исходя из твердого убеждения, что политическое, культурное и экономическое преуспеяние Кавказа и пользование благами мира возможно лишь при упрочении дружественных отношений между кавказскими государствами и при взаимной их поддержке друг другом, признали необходимым заключить между собой следующий договор:

1.

Правительство Кубани и правительство республики Горских народов Кавказа настоящим торжественным актом взаимно признают государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Союза горских народов Кавказа.

2.

Установление территориальных границ между Кубанью и республикой Союза горских народов имеет быть предметом особых последующих дружественных соглашений между договаривающимися сторонами.

3.

Договаривающиеся стороны обязуются не предпринимать ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав Кубани и республики Союза горских народов Кавказа.

4.

Войсковые части одной из договаривающихся сторон могут переходить на территорию другой стороны не иначе, как по просьбе или с согласия правительства этой стороны. Войска одной стороны, находящиеся на территории другой, поступают в подчинение этой последней.

5.

Признавая желательным самое тесное экономическое сближение между договаривающимися сторонами, правительство Кубани и правительство Союза гор-

ских народов обязуются урегулировать путем особых дополнительных договоров вопросы:

А — товарообмена и таможенный, Б — транспорта (железных, водных и грунтовых путей), В — почт и телеграфов, Г — денежного обращения и др.

Надлежащий договор подлежит утверждению в порядке, установленном конституциями договаривающихся сторон.

Договор сей составлен в двух экземплярах в городе Париже... июля 1919 года.

Подлинный подписали:

Со стороны Кубани: Л. Быч — председатель делегации, В. Савицкий, А. Кулабухов и А. Намитоков — члены делегации.

Со стороны Союза горских народов Кавказа: А. Чермоев — председатель делегации, И. Гайдаров и Х. Хадзарагов — члены делегации, Г. Баммат — министр иностранных дел».

Как видит читатель, текст договора совершенно ясен. Все написано в строчках и ничего не следует читать да и нечего читать между строк. Тем не менее, некоторые точки над и поставить следует.

Нас в данном случае интересует, конечно, не все вопросы, в договоре затронутые, а только некоторые — формальные и по существу.

Прежде всего, это — **только проект договора**, никогда не получивший законной силы. Договором он стал бы, как это и предусмотрено в самом тексте его, только после утверждения «в порядке, установленном конституциями договаривающихся сторон». Такого утверждения не последовало с обеих сторон.

Касается ли этот проект договора Терского Войска, судьбы Терского Казачества? — Ни в какой мере.

В самом деле. Кубанцы не могли тогда ни говорить о терских делах, ни решать их, тем более не имели они ни права, ни полномочий решать судьбы Терского Войска. **Каждое Войско решало тогда свою судьбу самостоятельно.**

Не говорила да и не могла говорить от имени Терского Войска и решать судьбу его и делегация горская, ибо Терское Войско в состав республики Союза горских народов (поскольку нам известно) никогда не входило. В составе властей (законодательной и исполнительной) Союза горских народов представителей Терского Казачества тоже никогда не было. Акта правительства Союза горских народов Кавказа об аннексии Терского Войска тоже, поскольку мы знаем, не было. Власть правительства Союза горских народов на территорию Терского Войска тоже никогда не распространялась. Само Терское Войско тоже никогда, опять

таким — поскольку нам известно, не выражало желания войти в состав республики Союза горских народов Кавказа. Словом, Терское Войско никогда и ни в какой зависимости от горской республики не было. Для кубанцев же Терское войско было соседом горцев, а горцы были соседями терских казаков.

Ясно, поэтому, что в приведенном выше проекте кубано-горского договора **ничего не говорится о Терском Войске**. Ни одна, ни другая сторона говорить о нем не имела никакого права и... действительно не говорили.

Кубань и горцы Северного Кавказа имеют пограничное соприкосновение (Карачай, Кабарда) и нет ни-

чего удивительного в том, что они могли говорить и о точном установлении своих границ.

Итак, проект «договора дружбы», даже если бы он был в свое время надлежащим образом утвержден и получил таким образом силу договора, интересов Терского Войска не нарушал и территории Терского Войска никому не уступал.

Так понимаем этот вопрос мы и так, и только так, может понимать его и всякий другой, еще раз внимательно прочитавший приведенный выше, но не осуществленный обеими сторонами, проект «договора дружбы».

Иного толкования давать ему нельзя. **Всякое иное толкование не будет отвечать правде.**

Трагедия Казачества

(Очерки на тему: Казачество и Россия).

ЧАСТЬ IV.

(Январь—май 1920).

ГЛАВА XIX.

Хаос на казачьих верхах. Большевики охватили казачьи силы с флангов и прорвали их в центре. Разрыв казачьего фронта. Провал плана похода Донцов на Тихорецкую — Дон. Меры Донского командования для обеспечения эвакуации Донской армии через Новороссийск. Командиры Кубанских Корпусов не признали Кубанской власти и поспешно уводят Кубанскую Армию на Туапсе

Верховный Круг разорвал с Деникиным, но, как отмечено выше, Донской Атаман и командующий Донской армией не подчинились решению Верховного Круга и по-прежнему подчинялись Деникину.

Кубанская Рада, Атаман и Правительство не признавали власти Деникина, однако, командующий Кубанской армией ген. Улагай и командиры Кубанских Корпусов тоже не подчинились постановлению Верховного Круга и продолжали считать Деникина Главнокомандующим. А так как в силу Куб. Конституции только Кубанскому Атаману принадлежало верховное руководство всеми вооруженными силами Кубани, между поставленной Радой властью и высшими руководителями Кубанских вооруженных сил началась борьба. При чем, ни Кубанский Атаман, ни командующий Кубанской армией не пошли на открытый разрыв: Атаман не отрешил от должности непокорного командующего Кубанской армией, а ген. Улагай не объявил войскам о том, что он не признает власти Кубанского Атамана...

Ген. Улагай не пожелал присоединиться к Кубанской Раде, Атаману и Правительству, а продолжал упорно держаться линии железной дороги на Новороссийск, где находился Деникин, и туда же тянул Кубанские Корпуса с восточного фронта (директива от 6 марта). В то же время командир 3-го Кубанского корпуса, находившегося вблизи штаба Улагая, ген. Топорков открыто продемонстрировал свое нежелание подчиниться решению Верховного Круга о разрыве с Деникиным и не подчинился Кубанскому Атаману. Тот же ген. Топорков очень охотно признавал ген. Деникина главнокомандующим казачьими вооруженными силами...

Нежелание Донского Атамана и командующих Донской и Кубанской армиями и командиров Кубанских Корпусов подчиниться решению Верховного Круга Дона, Кубани и Терека о разрыве с ген. Деникиным; отречение Терской фракции от того же постановления Верховного Круга; фактическое прекращение работ Верховного Круга; полное бездействие Кубанского Атамана и Кубанского Правительства, терпевших недопустимое и чрезвычайно вредное для успеха борьбы самоуправство кубанских генералов, — указывали на то, какая ужасная анархия царила на казачьих правительственных верхах в то время, когда **больше всего необходимо было проявление самых энергичных и решительных действий единой казачьей власти...**

Хаос, царивший на верхах казачьей власти, вне

сомнения, крайне разлагающе действовал на офицерство и казачью массу, убивая в них всякую веру в успех дальнейшей борьбы. И было естественно, что масса, в период неудач особенно чуткая к тому, что делается на верхах, колебалась, моральная устойчивость ее и готовность идти на новые жертвы ослабевала...

Вновь обострившаяся борьба русского и казачьего течений весьма пагубно отразилась на всем ходе дальнейших событий, предопределяя их трагический конец.

Это обстоятельство в значительной степени облегчило работу большевистской власти и большевистского командования. Советские войска сравнительно легко перешли р. Кубань у устьев р. Лабы и нажимали на правый фланг казачьего расположения за р. Кубанью...

7 марта 1920 г. ген. Деникин приказал «Донской армии и Добровольческому корпусу оборонять линию р. Кубани от устья Курги до Ахтанизовского лимана», т. е. до Азовского моря. Кроме того, «Добровольческому корпусу теперь же частью сил, обойдя кружным путем, занять Таманский полуостров и прикрыть от красных севсрную дорогу от Темрюка» (Деникин. Очерки русской смуты, т. V-й, стр. 343). Однако, Добровольческий корпус оставил р. Кубань и поспешил к станице Крымской, а оттуда на Новороссийск.

Большевистские войска вслед за Добровольцами перешли р. Кубань у станицы Варениковской — верстах в 27 на юго-восток от гор. Темрюка, заняли станицу Гостагаевскую, а 10 марта красные были уже в Анапе, что лежит на берегу Черного моря, верстах в 45 на северо-запад от Новороссийска. Вследствие этого большевики отрезали казакам путь на Таманский полуостров... Из станицы Гостагаевской и из Анапы красные начали осторожно продвигаться на Новороссийск.

Так, вследствие бегства Добровольческого корпуса к Новороссийску советские войска охватили и левый казачий фланг на левом берегу р. Кубани...

Одновременно с охватом флангов казачьего фронта за Кубанью большевистское командование весьма энергично действовало и в центре — в районе Екатеринодара.

«Большое смятение (в штабе Донской армии) вызвал тот факт, что железнодорожный мост (у Екатеринодара) через р. Кубань был разрушен недостаточно; виною всего этого является Начинженер, который, не желая подвергать себя опасности, отнесся к поставленной ему задаче с чисто формальной стороны; приняты были чрезвычайные меры, чтобы не допустить перехо-

да большевиков по железно-дорожному мосту» (запись в журнале воен. действ. Дон. армии за 6 марта).

На рассвете 6 марта началась уже переправа красных из гор. Екатеринодара на южный берег р. Кубани. Переправа эта через многоводную реку удалась только благодаря тому, что Донское командование и Донские части очень и очень небрежно отнеслись к делу организации охраны течения быстроводной и глубокой Кубани.

Первые попытки Донского командования, сделанные 6 марта, при помощи бронепоезда ликвидировать группу советских бойцов, переправившихся около Екатеринодарского железно-дорожного моста на левый берег р. Кубани, не увенчались успехом.

Этим дело не ограничилось: 6 марта «красные, сбив огнем наше (Донское) сторожевое охранение на левом берегу (р. Кубани) у ст. Пашковской — верстах в десяти восточнее вышеупомянутого железно-дорожного моста, переправились на лодках на южный берег» (оперативная сводка к 8 часам утра 7 марта). Обстоятельства, при которых произошла эта переправа большевиков через Кубань, красноречиво говорят о том, как плохо охраняли казаки эту реку.

Отметим здесь еще и то, что переправа красных у железно-дорожного моста через Кубань у Екатеринодара произошла на стыке флангов 2-го и 3-го Донских корпусов, при чем верстах в 7-ми от места переправы большевиков через Кубань — в ауле Тохтамукае — находился 3-ий Кубанский корпус ген. Топоркова... Так что командование казачьими войсками могло бы быстро сосредоточить к месту переправы большие силы для ликвидации красных...

Сравнительно недалеко от того же железно-дорожного моста — в ауле Шенджий — находился и Кубанский Атаман ген. Букретов с правительственным отрядом, а в станице Георгие-Афипской пребывали два командующих армиями ген. Сидорин и ген. Улагай.

Чем же были заняты казачьи власти, что дали возможность красным постепенно переправиться через Кубань и накопиться на ее левом берегу?

Командующий Донской армией с командирами Донских корпусов и с командующим Кубанской армией 6 марта в Георгие-Афипской обсуждали план дальнейшего отступления армий. Ген. Улагай, кроме того, был занят составлением директивы, согласно которой целых три Кубанских Корпуса должны были оставить богатый хлебом район Белореченской-Майкопа и отходить поперек множества рек и речек, по перелескам голодного района к Новороссийску мимо Екатеринодара, возле которого большевистские войска уже накоплялись на левом берегу р. Кубани...

Сверх того, генералы были заняты спешной «работой» по ликвидации постановления Верховного Круга Дона, Кубани и Терка от 3 марта о разрыве Казачества с ген. Деникиным. К сожалению, все свое внимание казачьи генералы сосредоточили на борьбе с казачьей самостоятельностью и не смогли исполнить прямой обязанности — не допустить прорыва казачьего фронта на линии р. Кубани, не допустить захвата красными войсками богатого района между реками Белой и Лабой, не допустить перехода советских войск через р. Кубань в ее нижнем течении...

Что получилось? В то время, когда большевистское командование все свое внимание сосредоточило на том, чтобы поскорее нанести казакам смертельные удары, чтобы раздробить казачьи силы, чтобы загнать их в район голодный, командование казачьими силами как-бы шло навстречу этим стремлениям красного противника: казачьи генералы, против ясно выраженной воли Казачества, тянули восемь казачьих корпусов под власть Деникина, а настоящие деникинцы — Добровольческий корпус, бросив охрану нижнего течения р. Кубани, пустили большевиков за эту реку к гор. Апапе и в район Новороссийска; на другом конце фронта группа генералов во главе с Писаревым поспешно отходила Кубанские Корпуса с р. Лабы на р. Белую и даже в горы; а командующие армиями генералы Сидорин и Улагай тянули эти армии в Крым; командир 3-го Кубанского корпуса ген. Топорков, вместо защиты переправ у Екатеринодара, вел словесные сражения с Кубанским Атаманом ген. Букретовым и с прези-

диумом Верховного Круга на тему о том, что лучше для казаков, исполнять ли постановления Верховного Круга или же слушаться повелений ген. Деникина, сидевшего в Новороссийске.

Десятки тысяч казаков оставили родные станицы, оставили близких людей, свои семьи и ушли в армию с оружием в руках не для того, конечно, чтобы быть игрушкой в руках военных и гражданских русских политиков, не для того, чтобы уходить с Деникиным в Крым, а для борьбы за освобождение Родной Казачьей Земли... Верховный Казачий Круг, рвал с Деникиным, а казачьи генералы упорно тянули Казачество под власть этого генерала.

При этих условиях роль русского «красного» командования свелась, в конце концов, только к тому, чтобы помочь русскому «белому» командованию поскорее ликвидировать ненавистный для тех и для других Казачий самостоятельный фронт, чтобы десятки тысяч вооруженных казаков, после двухлетней упорной и кровавой русско-казачьей борьбы, поскорее принудить к капитуляции...

Проигравшиеся «белые» разлагали казачьи силы, а «красные» дезорганизованную «белыми» казачью массу подталкивали к новороссийской пробке и загрозили в туапсинско-сочинский мешок.

Если внимательно присмотреться к тому, что делалось в марте 1920 г. за спинами казаков на всем фронте от Таманского полуострова до р. Белой, пристальным взглядом может открыться ужасная картина **предательства, измены и обмана** со стороны одних, и глубокого страдания других вследствие своей доверчивости, незнания политической грамоты, неумения вести борьбу и против тех, кто нападал с фронта, и против тех, кто вредил в тылу.

* * *

Обратимся теперь снова к событиям, разыгравшимся у екатеринодарского железно-дорожного моста. «С 5 часов 30 минут утра (7-го марта) началась операция по очищению левого берега р. Кубани от красных», говорит оперативная сводка, «но вследствие отсутствия согласованности в действиях 6 дивизии и 2 Корпуса, а также отсутствия связи (между Донскими частями), наступление желательных результатов не дало; переправились на левый берег у желез.-дор. моста 181, 182 и 183 совет. полки. Приказано вновь во что бы то ни стало выбить красных рано утром 8 марта с левого берега Кубани» (операт. сводка).

«В течение последнего месяца все планы и расчеты, как вышших, так и низших чинов армии, а также и беженцев строились, главным образом, на отходе за Кубань. Такая неутомимость, энергия и высокая активность большевиков были для всех совершенно неожиданными. Строя и обсуждая планы дальнейшего отхода, никто не предполагал, однако, что противник переправится через Кубань чуть-ли не на следующий день после взятия Екатеринодара.

На командный состав все это произвело потрясающее впечатление, говорит непосредственный наблюдатель жизни штаба Донской армии Г. Раковский (В стане белых, стр. 192).

7-го марта бои шли уже у аула Тохтамукай, что лежит верстах в семи от гор. Екатеринодара. 8-го марта красные ворвались в самый Тохтамукай...

После этого 2-му и 3-му Корпусам было «приказано отбросить противника за реку» (сводка Д. Ар.).

В виду занятия красными Тохтамукай, штаб Донской армии перешел в станицу Ильскую — в 25 верстах западнее ст. Г.-Афипской, а штаб Кубанской армии переехал в станицу Крымскую — верстах в 40 западнее Г.-Афипской.

Снова было приказано командиру 3-го Донского корпуса (раньше приказывалось командиру 2 Донского Корпуса) выбить красных с левого берега Кубани. 8 марта «21-я, 23-я и 33-я советские дивизии, заняв Тохтамукай, продолжали наступление в южном направлении. Контр-атака 3 Корпуса в 11 часов успеха не имела вследствие сильного артиллерийского и пулеметного огня красных (сводка дон. арм.).

8 марта уже и станица Ново-Дмитриевская — в 25 верстах юго-западнее Екатеринодара — была занята красными.

В течение боев 6—8 марта большевитский клин пррезал в тело Донской армии на 30 верст в глубину и разделил казачьи силы на две части — западную, куда отошли 3-й, 2-й и 1-й Донские и 3-й Кубанский корпуса, и восточную, где остался 4-й Донской и 1-й, 2-й и 4-й Кубанские корпуса.

9 марта командующий Донской армии сделал еще одну попытку выбить большевитский клин, а потому отдал Донской армии следующую директиву:

...«Приказываю:

- 1) ген. Гусельщикову — 3-й Донской корпус упорно оборонять фронт по р. Убин от железной дороги включительно и далее по р. Афипис.
- 2) ген. Коновалову — 2-м Донским и 3-м Кубанским корпусами овладеть районом станицы Ново-Дмитриевской — свободы Григорьевской и удерживать его впредь до подхода 4-го корпуса. **имейте в виду, что невыполнение этих задач поставит армию и, главное, 4-й корпус в тяжелое положение.**

Утром 10-го марта Штарм Дон перейдет в Крымскую.

9 марта, 18 часов, Нр 0993/К».

Однако, и эта попытка не увенчалась успехом.

После этого большевитское командование поспешило бросить советские войска далее на юг — через горные перевалы в Черноморскую губ., чтобы перерезать дорогу между Новороссийском и Туапсе. 50-я Таманская красная дивизия — остатки бывшей Таманской красной армии, погибшей в боях с казаками в 1918—1919 г.г., была направлена на Джубгу. Бросив в трудно проходимых горах свой обоз и большую часть артиллерии, дивизия вышла в район Джубги, где соединилась с «Черноморской советской красной армией» (Е. Ковтюх. От Кубани до Волги и обратно, стр. 91).

Можно не сомневаться в том, что этот разрыв казачьего фронта за р. Кубанью на две части в значительной мере поясняется настойчивостью красного командования и упорством советских войск в достижении намеченной командованием цели. Но это обстоятельство все же не было главной причиной большевитских успехов.

Было уже подчеркнуто (гл. XVШ), что командующий Донской армией ген. Сидорин на совещании с ген. Деникиным 5 марта в Новороссийске обсуждал вопрос **об отводе всей Донской армии на Новороссийск и на Таманский полуостров**; было также отмечено, что 6 марта на совещании в штабе Донской армии в станице Г.-Афипиской ген. Сидорин настоял на том, чтобы Донская армия отступала именно в западном направлении, намеченном ген. Деникиным. Это решение было настолько категорическим и бесповоротным, что и командующий Кубанской армией 6-го же марта отдал директиву своей армии тоже о немедленном отходе на Новороссийск.

Командир 4-го Донского корпуса, вследствие большевитского прорыва казачьего фронта оторвавшийся от остальных Донских корпусов и отступивший потом в Туапсинском направлении, ген. Стариков говорит следующее по поводу проведения в жизнь решения вышеупомянутого совещания, состоявшегося в штабе Донской армии 6 марта:

...«После совещания, происходившего 6 марта в Афипиской, мы, для выполнения таманской операции, рассчитывали отводить Корпуса, в том числе и 4-й, на линию железной дороги Екатеринодар-Афипиская-Новороссийск. Мой 4-й Корпус был у Усть-Лабы. В два дня я привел его в район (станций) Ново-Дмитриевской, Калужской и Саратовской. Но здесь выяснилось, что **Донской штаб со всеми войсками ушел и Г.-Афипиская уже занята большевиками.** В виду этого, мне ничего другого не оставалось, как отходить горными проходами прямо на Туапсе вместе с Кубанской армией» (Ракковский. В стане белых, стр. 196).

Из этих слов ген. Старикова видно, что 4-й Донской корпус немедленно после совещания 6 марта в Г.-Афипиской приступил к проведению в жизнь поставленной всей Донской армии задачи — отхода на запад.

Точно также и бывший начальник оперативного отделения Донской армии полк. Добрынин говорит: ...«армия 8 (21) марта двинулась дальше на Новорос-

сийск» (Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Дон. казачества. Прага. 1921, стр. 106).

Бывший командир Донской Сводно-Партизанской дивизии полк. Ясевич в своем рапорте на имя ген. Деникина 24 марта 1920 г. сообщал: ...«8 марта в станице Григорьевской (не станица, а село) была получена новая директива, коей упразднилось назначение (Сводно-Партизанской) дивизии, как авангарда Донской армии при движении на Джубгу и указывалось общее направление отхода (армии) на Северскую-Новороссийск».

Вышеприведенные данные ясно говорят о том, что вся Донская армия отводилась в Новороссийский район с целью перевозки ее морем в Крым. Если командиры всех Корпусов хорошо знали о решении Деникина-Сидорина отводить войска именно на запад, если об этом знали вообще в Донской армии, естественно, особенно после всего пережитого, трудно было ожидать от частей армии упорства в боях у Екатеринодарского железно-дорожного моста. Каждый казак хорошо понимал, что все равно, не сегодня так завтра, придется оставить те места, на которых приказывалось проливать кровь.

В корне ошибочным было основное решение генералов — отступать на Новороссийск-Тамань. Это решение, как известно, исходило из другого неправильного решения, а именно, что борьба на Казачьей территории прекращается и переносится в Крым. Это было не казачье, а русское решение вопроса.

Активность большевиков и пассивность казаков только ускорили осуществление этого, в корне неправильного, решения.

Генералы сами прекрасно понимали, что через Новороссийск невозможно было перевезти в Крым целых две казачьи армии и десятки тысяч беженцев. И все же эти армии направляли к Новороссийску, собираясь там пересечь казаков на густое русское сито.

Казаки приносились в жертву «белой» русской идее...

* * *

Не раз уже выше было отмечено то, что рядовая казачья масса бойцов и не думала о переезде в Крым. Не мало было и казачьих офицеров, которые тоже не принимали и не одобряли решение об эвакуации казаков в Крым. Это нежелание казаков прекратить вооруженную борьбу на Родной Земле не раз находило своих выразителей и защитников и среди высших чинов Донской армии, близко стоявших к ген. Сидорину.

Даже и после навязанного Казачеству «решения», принятого на совещании 6 марта в ст. Г.-Афипиской, денкинское решение об отходе казаков на Новороссийск-Тамань встретило довольно сильную оппозицию на верхах Донской армии. По этому поводу в журнале военных действий Донской армии находим следующую запись за 8 марта 1920 г.:

«Вечером у командарма было совещание в составе командарма ген. Сидорина, начальника штаба ген. Кельчевского, наштактора 4-го (Корпуса) ген. Коновалова (?) и начальника оперативного отделения полк. Добрынина. Цель совещания — командарм пожелал выслушать доклады упомянутых лиц, предлагавших, **вместо принятого верховным командованием решения отходить в Крым, перейти к активным действиям. План последней операции — прорыв фронта красных и рейд конной группы на Дон; этим рейдом может быть поднято упавшее настроение войск...** Направление намечалось на Тихорецкую и далее по обстановке»...

Командующий армией ген. Сидорин высказался решительно против этого плана. **Вместо этого он предложил отступать на Крым, откуда возможно движение на Дон северным берегом Азовского моря.**

Этот документ ясно говорит о том, что некоторые высшие чины Донской армии отвергали решение Деникина-Сидорина об «отходе в Крым». Очевидно, авторы отважного казачьего рейда с Закубанья на Дон находили достаточно оснований для обеспечения его успеха.

Ген. Сидорин отверг этот проект. В то же время он принял меры к тому, чтобы успокоить казаков, не принимавших плана «отхода в Крым», и чтобы обеспечить эвакуацию казаков через Новороссийск.

Вместе с тем, было решено усилить политическую работу в целях полного примирения ген. Деникина с Донским казачеством. Ген. Сидорин сделал большой нажим на членов Донского Круга...

8 марта «с этим решением — отступление на Новороссийск, а также с целью разъяснить «инцидент» с Верховным Кругом и сообщить о том, что Донская фракция в Г.-Афипской категорически высказалась против разрыва, начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский... полетел в Новороссийск (поезда в то время почти не ходили) с докладом Главнокомандующему; условия производства операции, о которых Кельчевский должен был сообщить Деникину, заключались в следующем: первой воинской частью, которая будет перебросена в Крым, должна была быть непременно Донская дивизия, дабы казаки знали, что их не бросят на побережье» (Раковский. В стане белых, стр. 194).

Кроме того, так как казаки с большими опасениями и недоверием поглядывали в сторону Новороссийска, решено было послать из штаба Донской армии к ген. Деникину в Новороссийск особую Комиссию в следующем составе: инспектора артиллерии Донской армии, ген. барона Майделя, начальника снабжений ген. Калиновского, начальника штаба 4 Донского корпуса ген. Калиновского и начальника оперативного отделения штаба Донской армии полк. Добрынина.

Как говорит журнал военных действий Дон. армии, этой Комиссии было поручено «дело выяснения точных условий подготовки эвакуации». Эта Комиссия должна была «следить за всеми мероприятиями в отношении эвакуации и блюсти интересы Донской армии, принимая участие во всех перевозках». Об этих перевозках Комиссия должна была немедленно сообщать в штаб, попутно освещая все, что происходило в Новороссийске (выше цитированная книга Раковского, стр. 194).

Отход войск на Новороссийск только усилил процесс падения настроения войсковых частей. Среди казаков пошли разговоры об уходе к «зеленым» в горы и даже о возможности переговоров с большевиками... К «зеленым» переходили не только отдельные казаки, но и целые войсковые части. 9 марта официальное сообщение в штаб Донской армии говорило о том, что «в районе ст. Смоленской «зеленые» разоружили 4-ю и 5-ю Донские бригады»...

Все сказанное выше о жизни Донской армии за период времени с 5 по 10 марта, о деятельности ген. Сидорина и иных высших чинов этой армии свидетельствует о том, что среди Донцов снова возобладало стремление не только не рвать с ген. Деникиным, но теснейшим образом сотрудничать с ним, оставляя Донскую армию в его подчинении. Донское командование отказалось от самостоятельного ведения борьбы на Казачьей территории.

Отход армии за р. Кубань, таким образом, не был использован в том отношении, чтобы за этой весьма значительной водной преградой реорганизовать и сплотить казачьи силы и бросить их на новую борьбу с противником, заливавшим кровью захваченные им казачьи станицы... Отход за р. Кубань не явился даже небольшой передышкой для казачьих войск, а только очередной кратковременной остановкой на заранее намеченном пути — в Крым...

Донской Атаман, хотя и отдал 3 марта приказ, возвестивший армии его решение быть неразлучно со своими войсками, в действительности весьма поспешно уехал в Новороссийск, где совершенно притих... Донская армия и массы Донских беженцев в минуту крайней и смертельной опасности напрасно утомленными и измученными взорами искали своего Атамана, напрасно ожидали его твердых и ясных решений и распоряжений...

В то грозное для Дона время Донской Атаман как бы совершенно не существовал.

Кипучая деятельность командующего Донской армией свелась к тому, чтобы продвинуть армию далее на запад... Напрасно некоторые высшие чины Донской армии предлагали перейти к активным действиям, напрасно они пытались убедить командующего двинуть Донскую конницу на Дон вместо того, чтобы погибать на путях в Крым...

Повторилась история с совещанием в штабе Донской армией, бывшим в ст. Тимошевской 26 февраля 1920 г., когда начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский, выслушав весьма веские возражения против перевозки Донцов в Крым, просто объявил решение Деникина, как уже готовый приказ армии, подлежащий беспрекословному исполнению.

В значительной степени иную картину можно было наблюдать в празительном центре Кубани. Кубанская Рада и не собиравшаяся перерешать вопрос о разрыве с Деникиным.

Когда Кубанская Рада, Атаман и Правительство 7 марта находились в ст. Пензенской — верстах в 35 к югу от Екатеринодара, туда на аэроплане прилетел ген. Шкуро, направлявшийся к командиру трех Кубанских корпусов группы ген. Писарева с директивой ген. Улагая об отводе этих Корпусов в Новороссийском направлении (глава ХУШ).

Несуразность этого распоряжения была настолько очевидной для Кубанцев, что в тот же день, в ст. Пензенской, Атаман Букретов отдал командирам Кубанских корпусов восточного фронта приказ о том, чтобы они сосредоточили Корпуса в районе станицы Белореченской и прикрыли город Майкоп с севера.

В этот же день, 7 марта вечером, ген. Писарев получил и директиву ген. Улагая об отходе на Новороссийск и ануллирующий эту директиву приказ Кубанского Войскового Атамана.

Кубанские генералы отказались подчиниться Кубанскому Атаману, но т. к. движение на Новороссийск было уже невозможно, они бросились к Туапсе...

Посмотрим, какое положение было тогда на фронте восточных казачьих Корпусов.

Бывший командир 2-го Кубанского конного корпуса ген. Науменко об этом говорит следующее: «...7 марта, во время боя 2-го Куб. корпуса на р. Белой у селения Филипповского, туда неожиданно подошла голова 4-го Донского корпуса, который 8-го марта занял район ст. Бжедуховской и ниже по р. Белой.

8 марта вечером в районе ст. Черниговской соединились 2-й Кубанский и 4-й Конный корпус... Положение на фронте Туапсинской группы к этому времени было следующее:

1) Части 4-го конного (Кубанского) корпуса только сегодня (8 марта) оставили Белореченскую и отошли на левый берег р. Белой. Правый фланг его (ген. лейт. Бабиев) оставался в районе Майкопа.

2) Ген. Шифнер-Маркевич — командир 1-го Куб. корпуса, выполняя задачу расчистить путь на Туапсе, пошел вдоль железной дороги к станице Халдыжинской.

3) 2-й Куб. корпус занимал 2-й дивизией станицу Пшехскую, имея 4-ю дивизию в резерве в станице Черниговской.

4) Левее, как указано выше, были части 4-го Донского корпуса.

Противник наступал, главным образом, вдоль Армавир-Туапсинской железной дороги, имея здесь бронепоезда и пехоту, и со стороны Усть-Лабинской, откуда шли две кавалерийские дивизии, усиленные пехотой.

(Журнал «Казачьи Думы», № 19(3), 15 февраля 1924 г. София. Статья В. Мельниковского: Чернономская трагедия, стр. 4).

Соотношение советских и казачьих сил тогда было таково, что Казачьи Корпуса без особых усилий могли бы, хотя временно, удержать фронт по линии р. Белой. При такой общей обстановке командующий группой этих казачьих Корпусов ген. Писарев получил выше-названные, уничтожающее одно другое, распоряжения Кубанского Атамана Букретова и командующего Кубанской армией Улагая.

Вечером 8-го марта ген. Писарев собрал совещание в составе командиров Корпусов для обсуждения вопроса о дальнейших действиях этой группы войск. Было установлено, что при создавшихся условиях невозможно отводить Кубанские корпуса, согласно директивы ген. Улагая, на Новороссийск.

В то же время эти генералы стремились во что бы то ни стало выполнить основную директиву ген. Де-

никина — эвакуацию в Крым. Естественно, что генералы, перед этим всю свою жизнь служившие только России, в 1918—1920 годах делавшие все, чтобы подчинить казачество Деникину, чтобы помешать осуществлению самостоятельных стремлений Казачества, — не признали постановления Верховного Круга о разрыве с ген. Деникиным и не захотели подчиниться Кубанскому Атаману.

Не об удержании Белореченской и Майкопа, не о продолжении борьбы в пределах Кубани думали эти генералы, а о том, как поскорее уйти с Казачьей Землей в Крым, где собирались русские генералы, куда стекались иные руководители русского «белого» движения.

Писарев и Науменко хорошо знали, что Кубанская Рада, Правительство и Атаман спешат к своим Корпусам; что 8 марта «з району Саратовской станицы находился Кубанский отряд, направлявшийся с Войсковым Атаманом на Белореченскую», т. е. Кубанский Атаман находился всего в 35—40 верстах от Армавир-Туапсинской жел. дороги, на которой тогда находились три Кубанских корпуса — 2-й ген. Науменко, 4-й ген. Писарева и 1-й ген. Шифнер-Маркевича.

Что же сделали генералы?

7-го марта командующий группой ген. Писарев получил приказ Кубанского Атамана об удержании района Белореченской-Майкопа, а 8-го марта он спешно уводил корпуса с линии р. Белой, оставив в руках большевиков в вагонах на станции Белореченской большие запасы так необходимого для армии продовольствия.

Этим дело не ограничилось: 8 марта, после упомянутого выше совещания, ген. Писарев, по соглашению с ген. Науменко, приказал войскам немедленно отойти на линию станиц Линейная-Апшеронская, т. е. от линии р. Белой отскочить верст на 35—40. Несмотря на то, что гористая местность представляла весьма большие удобства, по крайней мере, для обороны, уже 9 марта Корпуса выполнили эту генеральскую директиву, оставив в руках большевиков богатые станицы и углубившись в бесплодный район на Туапсинском направлении.

Таким образом, в течение всего двух дней, 7-9 марта, генералы сумели поставить Кубанскую власть перед глубоко печальным, трагическим по своим последствиям, фактом — отхода Кубанских корпусов в район гористый и очень бедный.

Кубанский Атаман, узнав об отводе Корпусов с линии р. Белой, был глубоко возмущен таким поведением генералов. Правительственный отряд с Радой из станицы Саратовской был направлен на станицу Кутанскую, т. е. восточное направление движения переменял на юго-восточное.

Стремясь во что бы то ни стало задержать войска от дальнейшего углубления в горы, Кубанский Атаман послал соответствующий новый приказ командирам Корпусов.

«В ночь на 10-е марта командир 2-го корпуса», сам о себе повествует ген. В. Науменко, «получил записку от начальника авангарда Кубанского отряда ген.-м. Ходкевича из станицы Абхазской. Ходкевич сообщал, что Войсковой Атаман, продвигаясь от станицы Саратовской к Кабардинской, приказывает всем частям, находящимся в районе Кабардинской, оставаться там впредь до его прибытия туда с Кубанским отрядом, после чего на совещании командиров Корпусов, начальников дивизий, командиров бригад и командиров частей будет решено, что делать дальше» (там же, стр. 5).

Чтобы побороть самоуправство генералов Писарева и Науменко, Кубанский Атаман решил подчинить Кубанскую конницу ген. Шкуро, а — пехоту ген. Морозову. Данный Кубанским Атаманом приказ об этом был вручен Писареву и Науменко 10 марта. Несмотря на этот категорический приказ Войскового Атамана, названные генералы продолжали делать свое дело: Писарев и Науменко порешили на том, что они и 2-й Куб. корпус поскорее передвинут далее в горы — в направлении на Туапсе, чтобы не дать возможности Кубанскому Атаману использовать этот Корпус для удержания в руках казаков района Белореченской-Майкопа. Этот уход 2-го Корпуса в тыл генералы пробовали объяснить будто бы необходимостью оказания помощи

Корпусу ген. Шифнер-Маркевича, продвигавшегося к Туапсе вдоль железной дороги, хотя в действительности Шифнер-Маркевич и без помощи ген. Науменко успешно выполнял возложенное на него задание. Само собою разумеется, что продвижение через Кавказский хребет не могло быть особенно быстрым, особенно если принять во внимание то, что ген. Шифнер-Маркевич вообще тогда действовал осторожно, не желая понапрасну проливать кровь вверенных ему войск.

12 марта 2-й Куб. корпус ген. Науменко оставил фронт, где его заменили части, пришедшие из Екатеринодара с Атаманом, Правительством и Радой, и направился на Туапсе, к которому уже подходили части Шифнер-Маркевича.

Приняв на себя, по приказу Кубанского Атамана, командование Кубанской конницей, ген. Шкуро поспешил вслед за уходящими к Туапсе генералами, чтобы при свидании с ними, используя и свое личное влияние еще недавнего командующего Кубанской армией, приостановить их, разрушающую фронт, работу. 12-го января на станции Хадзыженской состоялась встреча генералов. Шкуро пробовал было убедить Писарева и Науменко в необходимости подчинения войск единому командованию.

Необходимо подчеркнуть, что в январе и первой половине февраля 1920 Писарев и Науменко подчинялись Шкуро, ибо последний распоряжением Деникина был тогда поставлен командующим Кубанской армией. Теперь тот же ген. Шкуро получил назначение из рук Кубанского Атамана. Но, ген. Писарев, как командующий группой, по предварительному соглашению с ген. Науменко, «категорически и открыто заявил ген. Шкуро, что он, Писарев, и далее будет выполнять только приказания Деникина, что никакой иной власти над собою не признает, что он подчиненным ему войсками займет г. Туапсе, устоавит связь с Деникиным и в дальнейшем будет действовать согласно распоряжений последнего» (там же, стр. 6).

В этот день Кубанская Рада, Атаман, Правительство по невылазной грязи продвигались из ст. Линейной в станицу Кабардинскую. Вечером они, по засасывающей грязи, вышли из ст. Кабардинской в станицу Хадзыженскую, к которой с востока подходит шоссе из гор. Майкопа и далее вьется к югу — к гор. Туапсе.

Ген. Науменко целую ночь пировал в станице Хадзыженской: гремела музыка, ручьем лились напитки... Пир во время чумы...

Утром 13 марта ген. Науменко, очевидно, не желая встречаться с Кубанской Радой, со своим штабом двинулся далее в сторону Туапсе.

На фронте остались Кубанские части, прибывшие из Екатеринодара с Атаманом под командой ген. Морозова, и части ген. Бабиева, решившего подчиниться распоряжению Кубанского Атамана.

13 марта ген. Букретов сделал еще одну попытку остановить движение Корпусов на Туапсе: в этот день он, вместе с председателем Правительства В. Иванисом, отправился на станицу Гойты, что находится вблизи одноименного перевала, и там имел разговор с Писаревым и Науменко.

Как повествует один из участников этого совещания — ген. В. Науменко, «ген. Букретов начал совещание в повышенном тоне, заявив, что в то время, когда он со своими войсками имеет в виду начать наступление для занятия ближайшего района Кубани и дальнейшего продвижения вглубь ее, командный состав Туапсинской группы выкидывает «штуки»....

...Ген. Писарев, взволнованный обвинением ген. Букретова, протестовал против безосновательного обвинения, напомнил, что у него есть главнокомандующий, приказания коего он и исполняет...

«Вопрос об объединении командования остался открытым впредь до занятия Туапсе и установления связи с ген. Деникиным» (там же, стр. 6-7).

Бывший член Кубанского Правительства того времени П. Сулятицкий об этом же совещании говорит следующее: «Атаман предложил ген. Писареву, как старшему среди кубанского командного состава, взять в свои руки руководство военными операциями. Ген. Писарев заявил, что он «картузник» (кубанские казаки называли русских «картузниками») и имеет единую задачу дойти до Туапсе, где его ожидают пароходы. Ге-

пералу Науменко Атаман приказал немедленно двинуться со своим Корпусом назад для поддержки ген. Бабиева и ген. Морозова, но ген. Науменко отказался исполнить приказ, заявив, что его казаки «потеряли сердце и драться не в состоянии. Генералы Бабиев и Морозов, отбываясь от большевиков собственными силами, начали постепенно отходить к Туапсе» (журнал «Кубанский Край», № 9, 1931 р. Прага, стр. 13).

Так, многократные попытки Кубанского Атамана заставить генералов Писарева и Науменко исполнять свои приказы, не увенчались успехом.

Вместе с войсками отступали многочисленные беженцы. «По невылазной грязи раскишей дороги мимо станции Кабардинской шли повозки, наполненные всяким хламом, начиная от корзин и чехмоданов и кончая кроватями, пружинными матрасами, мебелью, швейными машинами и пр. Вперемежку с войсковыми обозами, везшими фураж и огнестрельные припасы, двигались экипажи с дамами в изящных костюмах, с собачками и кошками... Наряду с казаками ехали верхом на лошадях сестры милосердия и просто дамы в мужских и женских костюмах. Здесь же плелись табуны донских лошадей, едва передвигавших ноги, и стада калмыцкого скота; тянулись целые обозы калмыков с женщинами, детьми и их убогим скарбом. И все это шло вперемежку с войсковыми обозами и орудиями» (выше цитированная статья Мельникова, стр. 5).

В то же время в тяжелое положение попал 4-й Донской, бывший ген. Мамонтова, Корпус, в 1920 г. особенно отличавшийся в январских боях на р. Доне и р. Маныче. Как было отмечено выше, и этот Корпус,

согласно директивы ген. Сидорина, должен был отступать на Новороссийск. Когда же 6—8 марта советские войска южнее гор. Екатеринодара перерезали казачий фронт на две части, этот корпус повернул сначала на восток, потом на юго-восток, стремясь соединиться с Кубанскими корпусами, чего он и достиг в районе Армавир-Туапсинской желез. дор.

Этот Корпус, насчитывавший около 17 тыс. казаков, тоже направился на Туапсе... «Весь день, буквально весь день, через (Гойтский) перевал шел 4-й Донской (Мамонтовский) конный корпус. Это были настоящие степные рыцари. На рослых, еще не изъезженных конях, все в серых однообразных шинелях, рослые, чубатые, бородастые Донцы шли и шли... И сколько их тут было... Это была масса, сила, но сила уже подорванная». (Полк. Елисеев. Лабинцы и последние дни Кубани. Журнал «Кубанское Казачество», № 2, декабрь 1931. Париж).

Когда-то страшный для большевиков Корпус... Командир его — ген. Мамонтов скоропостижно умер в Екатеринодаре 1 февраля 1920 г. Ходили упорные слухи, что его отравили... Сначала этот могучий Корпус 3—6 февраля обморозили на путях к Торговой. Теперь иные Донские Корпуса русские генералы увели на Новороссийск. 4-й же корпус пометался в изрезанном множеством рек, покрытом перелесками, бедном хлебом Закубаньи... Насупив брови, стиснув зубы, молча пошел обманутый Казачий Богатырь к глубоким водам Черного моря.

...«Не осилили тебя сильные, так дорезала осень черная»...

(Продолжение следует)

А. ЛЕНИВОВ.

Борьба за Азов

(К 300-летию юбилею взятия казаками Азова)

Отоманская Порты — империя гордых Османлисов... в стремлении расширить земельные пространства своих пределов, начертав на знаменых идеалах ислама, устремила внимание на север! Охраняя свою морскую торговлю, имея сильнейший флот в Средиземном и Черном морях, турки вполне уяснили себе, что отсутствие там иного соперничающего флота, дает им возможность политического преобладания в означенном бассейне.

Считая, что великий морской путь на север и восток складывается из этапов: Стамбул (Константинополь) — Азов, течение р. р. Дона и Волги, Астрахань — Каспийское море, турки, решив сделать Черное и Азовское моря — своими внутренними морями, начали утверждать на их побережьях. Целый ряд обстоятельств способствовал туркам в этом отношении, в частности, решающее значение имел захват ими Азова в 1471 году у генуэзцев.

Важность морского пути на восток по линии: Стамбул-Азов-течение р. р. Дона и Волги-Астрахань-Каспийское море, не ограничивалась только соблюдением интересов морской торговли для Оттоманской империи, но создавало еще громадное стратегическое значение, ибо Черноморско-Азовский бассейн являлся центральным плацдармом для Турции в отношении развертывания ее вооруженных сил на север. Освоение Крыма, внедрение на Кавказе, искусное ведение пропаганды пан-исламистского характера среди степных кочевых народов, выявление целого ряда стратегических и политических мероприятий в виде сооружения крепостей и военно-морских баз на захватываемом побережье, характеризует в общих чертах борьбу за овладение Черноморско-Азовским бассейном.

Потеря Азова знаменовала весьма существенную утрату для донских казаков, ибо Азов, являясь ключом к р. Дону, попав в турецкие руки, преграждал казачьим войскам выход в море. Турки, утвердившись в Азове, принялись за расширение своих границ за счет территории донских казаков. Деятельными помощниками им в этом отношении явились ногайцы и крымские татары, ближайшие соседи и, вместе с тем, непримиримые

противники казаков. В дальнейшем, к их числу присоединились закубанские татары и калмыки.

Утверждая за собой водное пространство Черноморско-Азовского бассейна, турки схватились в жестокой схватке с донскими казаками, защищавшими свою землю и политическую независимость. Считая от 1471 года, первоначальной даты овладения турками Азова, началась упорная кровавая борьба донских казаков за обладание Азовом, только в 1769 году окончательно отошедшим к донским казакам!..

Вполне естественно, что казаки, ощущая настоятельную необходимость в свободном выходе в море, не могли терпеть турецкого владычества в Азове.

Около 1569 года, когда Азов еще не был сильно укреплен, турки двинули большую армию на Дон, которая, выбив казаков с занимаемой ими территории, продолжала свое наступательное движение далее на восток, к р. Волге. Подойдя к Волго-Донской переправе, султан Селим приказал рыть канал между р. р. Доном и Волгой в самом узком месте, именно между нынешней ст. Качалинской и г. Царицыным. Цель прорыва канала заключалась в установлении прочной связи между Стамбулом и Астраханью, в соответствии с чем турки пригнали на Дон до 300 различных судов.

Утвердившись на берегах Азовского моря и используя Азов в качестве опорной базы, Оттоманская Порты, производя движение на восток, способствовала практическим путем реализации морского пути Стамбул-Азов-течение р. р. Дона и Волги-Астрахань-Каспийское море, прорывая канал на месте Волго-Донской переправы. Упрочив свое влияние в зоне Черноморско-Азовского бассейна, турки в своем дальнейшем движении на восток должны были бы устанавливать свое влияние и в зоне Волжско-Каспийского бассейна, где, однако, к тому времени уже утвердилась Москва, овладев Казанским и Астраханским царствами еще в 1552 и 1556 г. г., надо отметить при деятельной военной поддержке со стороны казаков, в качестве союзников. Казанское, Астраханское и Крымское татарские царства тяготели к туркам, как к единоверцам, как равно донские казаки, в силу отталкивания от Тур-

ции, искали сотрудничества с Москвой, — тоже как со своими единоверцами.

Грандиозный план турецкого султана Селима (сохраняя гегемонию в Черноморско-Азовском бассейне при помощи своего могущественного флота, используя транспортные средства последнего для переброски в Азов не более, ни менее, как 200-тысячной турецкой армии, к которой сухопутьем подошло на помощь 40000 крымских татар), опираясь на Азов, как на исходную военно-морскую базу, удерживая в своих руках территорию Дона, утверждая морской путь на восток, попытаться объединить в пределах границ Османской империи три татарских царства (Казанское, Астраханское и Крымское) — в корне потерпел неудачу!

Донские казаки, очистив низовье Дона под напором турок, отошли на север и, базирясь на систему донских рек, по которым начало поступать к ним «денежное и хлебное жалованье» Москвы, начали систематически наносить короткие, сильные удары, как в тыл, так и во фланг турецких войск, раскинувшихся гарнизонным постом на громадном пространстве от Азова до Астрахани. Плохо разработанный план похода турецких войск через территорию Дона на восток, с целью освоения Волжско-Каспийского бассейна, привел к полному военному поражению турок, не сумевших взять Астрахани, защищавшейся донскими казаками и стрельцами.

Неудачный исход турецкого похода имел тройное следствие, а именно: 1) заставил турок считаться с донскими казаками, вследствие чего турки приступили к более планомерному освоению территории Дона, 2) дал возможность донским казакам узнать все слабые стороны турок и, как следствие, перейти к более агрессивному образу действий в отношении турок, 3) открыл глаза Москве на конечные замыслы Османской Порты, почему Москва, избегая наперед (до поры, до времени) прямого столкновения с турками, старалась использовать Донское войско, как буфер между границами Московии и Османской империи.

Считая от 1570 года, донские казаки начали производить на своих стругах непрерывные прорывы из гирл р. Дона в Азовское и Черное моря, не взирая на восстановление султаном Селимом крепости в Азове и постановку там сильного янычарского гарнизона. Во время одного из казачьих походов в Крым, турки захватили в плен сына Войскового Атамана Михаила Черкашенина и казнили его. В 1576 году Донские казаки захватили Азов у турок, но были потом вскоре выбиты оттуда.

В ряде происшедших морских сражений в Азовском и Черном морях выяснилось, что турецкий флот не в состоянии совладать с флотилиями казачьих челнов, более подвижных и легче управляемых. Стремясь противодействовать казакам в их морских походах, турки переложили большие цепи через р. Дон в конце 80-х годов XVI ст., «дабы казаки на малых своих судах в Черное море не проходили и не делали бы никаких разорений»).

Изучение военно-морской истории донских казаков выясняет разительные примеры тактики и стратегии казаков на море, причем с несомненной ясностью и точностью устанавливаются основные принципы казачьего военно-морского искусства, именно: 1) внезапность нанесения удара, 2) чувство взаимной поддержки и выручки, 3) сочетание решимости с осторожностью, 4) сообразование надлежащих средств к достижению поставленной цели.

Разница в соотношении силы (огня, защитимости бортов, огнестрельного вооружения, конструкции, быстроты хода, подвижности, управляемости и т. д.) между турецкими судами и морскими лодками донских казаков, была весьма существенна. Турецкие корабли не имели еще в указываемую эпоху типа тяжелых и быстроходных линейных судов, появившихся всего лишь в XVIII ст., а представляли собой вид галер, обладавших прекрасными морскими качествами, усо-

вершенствованных венецианскими мастерами. Турецкие галеры при длине от 125 до 150 футов и при ширине от 10 до 25 футов, имели обыкновенно только одну палубу, где помещались жилые каюты и продовольственные припасы. Под палубой располагались банки (скамьи) для многочисленных гребцов, число весел для которых достигало обыкновенно цифры от 50 до 180, благодаря чему скорость хода была от 6 до 8 узлов. Вооружение турецкой галеры состояло из одной большой и нескольких малых пушек, устанавливавшихся обыкновенно на носу галеры: по бортам во время боя размещался весь гарнизон галеры, вооруженный, как огнестрельным, так и холодным оружием, предназначенным на случай абордажа. Из приводимых данных, видно, что турецкая галера XV-XVI ст. обладала сильными боевыми качествами.

В целях сравнения невольно возникает вопрос, какие боевые качества были присущи морским лодкам (челнам) донских казаков, вековых противников турок за господство на Азовском и Черном морях в течение XV-XVI-XVII и отчасти XVIII ст. ст. Казачьи челны разделялись на два типа: 1) длинные челны (морские струги), имевшие продолговатую форму и предназначенные исключительно для ведения боя и нанесения удар неприятелю и, 2) короткие челны (морские каюки), назначение которых состояло в несении транспортной службы при боевых длинных челнах. Длина коротких челнов измерялась в пределах от 20 до 35 футов, между тем как длинные челны имели длину от 25 до 60 футов. Оба типа челнов не имели никакой артиллерии, сообразно чему им была свойственна неглубокая посадка в воде; весла на челнах располагались в один ряд, причем число весел было весьма произвольно.

Тактический разбор свойств и преимуществ, как турецкой галеры, так и казачьего челна, дает следующий вывод: сильная артиллерия, скорость хода, неуязвимость бортов от пуль и ядер, наличие многочисленного экипажа, оттеняют сильные стороны турецких галер, между тем казачьи челны, не имея тех свойств, владели иными особенностями, отсутствие которых составляло слабые стороны турецких боевых кораблей. Боевой порядок построения казачьих челнов имел совершенно хаотический строй в первые моменты появления казаков на море и, только с половины XVI ст. в казачьем флоте установился строй фронта, имевший конечной целью охват неприятельских флангов с последующим абордажем (удар холодным оружием в рукопашную). Частая практика казачьих челнов в боевом отношении, привела к тому, что строй фронта, как уже вполне установившийся боевой порядок, сохранялся ими не только до сближения с неприятелем, но и в течение всего морского боя, как-бы долго он ни длился. В конечном результате несравненный боевой дух донских казаков, сочетаемый с их военным и морским искусством, сводит на нет превосходство турок в численности войск и флота.

Учитывая предшествующие стадии борьбы с донскими казаками, турки решили создать из Азова первоклассную морскую крепость, которая надежным образом могла запирает устье р. Дона и тем самым преграждать выход казачьим флотилиям в море. Сравнительно быстро справившись с поставленной задачей, турки укрепили Азов, возведя одиннадцать крепостных башен и крепостную стену, пояс которой достигал длины 600 сажень, при высоте стены со стороны р. Дона равной 10 сажням. Кроме того, крепость опоясывал сплошной крепостной ров, имевший 1 1/2 саж. глубины и 4 1/2 саж. ширины. В добавление к фортификационным сооружениям в Азове, турки возвели каланчи или болверки (крепостные башни) в 1620 году по берегам одного из главных рукавов р. Дона, удержавшего в истории наименование Каланчинской протоки. К 1660 году для больше защиты устья последней, турки соорудили по берегам еще два крепостных укрепления (т. н. сердистан). Подобные начинания турок способствовали тому, что около 1620 года донские казаки, стремясь иметь свободный выход в море, прорыли новый рукав р. Дона, сохранивший за собой в истории наименование Казачий Ерик. В 1661 году турки под прикрытием т. н. Донецкой крепости, возведенной ими в 1660 году, засыпали Казачий Ерик. 1662 год — дата

*) И. А. Бирюков: «История Астраханского казачьего войска», стр. 4 т. I. Саратов, 1911 г.

*) «Древние Азовские и Крымские известия», стр. 73. Санкт-Петербург. 1782 г.

засыпки вновь турками Казачьего Ерика, и вторичного его открытия казаками.

Весною 1626 года до 2000 Донцов и Запорожцев появились под стенами Азова; на следующий 1627 год «Атаманы и казаки сложась с Запорожскими черкасы, на море ходили и города Турского султана воевали и проходили близко самого Царя - Города и многие города взяли, и села, и деревни пожгли, а людей побили, и с Азовом воевались по то время*)...». В 1632 г. донские казаки совместно с запорожцами под общим воительством донского Атамана Павлина, совершают набег на Синоп. В отместку, турки отвечают нападением в 1635 году на Казачий остров, образуемый р. Доном и его рукавом р. Аксаем).

Азов — ворота в Азовское и Черное моря, Азов — престол св. Иоанна Предтечи, покровителя Донского войска и вот почему: «весною 1637 года в Монастырском городке собирались то грозное Донское ополчение, которое порешило в Войсковом Кругу, идти взять город Азов и утвердить в нем веру православную». В часовне Монастырского городка, как повествует история, приготовившиеся к походу воины пели молебны, клялись во взаимной верности и призывая к помощи Бога отсюда двинулись к стенам Азова*).

Накануне похода произошли два чрезвычайно важных события, о коих надлежит оговорить. В конце 1636 года на Дон была прислана царская грамота с предложением донским казакам проводить в Москву турецкого посла Фому Кантакузена. Казаки не отказали в гостеприимстве последнему, который прибыл к ним в Монастырский городок из Азова. Однако, Фома Кантакузен, наблюдая приготовления казаков к походу на Азов, послал тайным образом одного из своих слуг в Азов с уведомлением о предстоящем нападении. Казаки поймали означенного посланца, после чего убили самого турецкого посла Фому Кантакузена*).

Другим важным событием явился факт присоединения 4000 запорожских казаков, которые: «шли искать своего счастья в других краях, и пойти к Персиянам, чтоб им на войне против турок служить. Они прошли чрез Крымские и Нагайские Орды со всякою осторожностью к Дону и имели на дороге часто случай сражаться с татарами. Там встретились с ними 3000 человек Донских казаков, которые приняли их весьма приятно, и при том осведомлялись о их намерении и походе. Услышав причину одного, представляли они им опасность похода чрез толь многие народы и сомнение свое, что найдут-ли они у Персиян то, чего желают. Они говорили им: мы имеем для вас, братья, запасу довольно: чего вы так далеко искать намерены, то найдете вы у нас: будем друг другу верны, вот Азов, когда мы возьмем этот город, то будем иметь свободный проход в Меотическое и Черное море, где мы в один поход можем столько взять добычи, сколько бы во все кровопролитные сражения у Персиян, никогда не получите. Запорожские казаки, посоветовав между собой, согласились напоследок на предложение Донских: в 1637 году пошли они вместе под Азов*).

В конечном счете, в апреле 1637 года 5000 Донских и 4000 Запорожских казаков под общим главенством Атамана Михаила Татаринова пошли под Азов, имея артиллерию, всего лишь в количестве 4 фальконетов*). Азов представлял собой в ту эпоху первоклассную крепость с сильной артиллерией в 400 пушек различных калибров, и имевший 4000 отборных янычар в качестве гарнизона. Атаман Михаил Татаринов, разделив свое войско на четыре отряда, обложил Азов 24-го апреля и повел правильную осаду крепости.

*) «Донские дела», т. I.

*) «Памятная книжка Войска Донского на 1868 год», стр. 175. Новочеркасск. 1868 г.

*) «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел», № 108, стр. 367-370, т. III, Москва, 1822.

*) «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», стр. 82-83. С. П. Б. 1732 г.

Спустя полтора месяца после начала осадных работ, казаки приблизились вплотную к крепостным стенам, когда Атаман Михаил Татаринов приказал начать вести подкоп под крепостные стены. В среде казаков был один специалист-сапер по фамилии Иван Арадов, родом из немцев, который приступил к прорытию сапы. Четыре недели велись работы, когда наконец к вечеру 16-го июля, сапа была закончена и заполнена порохом зарядом.

«Приготовившись, наконец, ко взрыву города и решительному приступу к оному, казаки очистили себя постом, молитвою, исповедью у отцов духовных и, прощаясь взаимно друг с другом, твердо решили поддерживать честь своего оружия, постоять за православную веру, за святой храм и умереть, если так суждено, но не посрамить себя*).

В 4 часа утра 18-го июля 1637 года Иван Арадов взорвал подкоп, и часть крепостной стены взлетела на воздух, образовав громадную брешь... Одновременно, со всех сторон тысячи казаков бросились на штурм Азова, забрасывая соломенными матами и плетнями глубокий ров, опоясывавший крепостную стену, взбираться на которую приходилось при помощи заготовленных лестниц. К вечеру Азов был захвачен казаками за исключением цитадели и 4-х башен, где укрылись остатки гарнизона. К вечеру 21 июля означенные башни были взяты казаками, но янычары, укрывшиеся в цитадели, отсиживались больше двух недель, ибо: «была у них запасная икра (продовольствие), а воду в башне выкопали, потому что башня стоит близко воды и, взять ее было не можно...*).

Штурм Азова ознаменовался жестокой сечей, в которой было убито 1100 казаков и до 2000 казаков переранено.

Овладев Азовом, казаки перенесли туда свою столицу, которой ранее был Монастырский городок. В скором времени, а именно осенью 1637 года Донское войско послало в Москву «легкую» станицу Атамана Потапа Петрова с сообщением о завладении Азовым, и предложением взять последний под «царскую руку». Москва, однако, убоилась и на сей раз стать в открытое враждебное отношение к Турции и отказалась от Азова*).

Тем временем известие о взятии казаками Азова обошло всю Европу и весьма подорвало престиж Турции в иностранном мнении, тем более, что, «известие о потере Азова привело Порту в немалое беспокойство, потому что весь Крым тогда находился в великом смятении, а от войны с Персией, также никакой пользы еще не видно было*).

Казаки производя лихорадочные работы по восстановлению разрушенных укреплений Азова, готовились к нападению турок, которые не заставили себя долго ждать! 1 апреля 1638 года Донское войско получило ультиматум от Крымского хана, с предложением казакам немедленно очистить и без боя передать Азов в турецкие руки. Естественно, что со стороны казаков не могло последовать иного ответа, как высылка в Азовское море казачьего соединенного флота под водительством Атаманов Долгова и Некреги, когда получилось известие о появлении турецкого флота в Керченском проливе. Боевой встречи однако не последовало, вследствие сильного шторма в море. Однако, спустя несколько недель разыгралось морское сражение, во время которого турецкий флот под руководством Биал-паши нанес поражение казачьим флотилиям, хотя потери турок были сильнее казачьих потерь.

*) Вице-адмирал Крюйс: «Географическое описание великой реки Танаиса или Дона и т. д.», стр. 11. Амстердам.

*) «Памятная книжка Донского войска на 1868 год», стр. 175. Новочеркасск. 1868 г.

*) «Донские дела», т. I.

*) «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел», № 112, стр. 357-377, т. III. Москва. 1822 г.

*) «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», стр. 84. С. П. Б. 1732 г.

Войсковая отписка от 10-го сентября 1640 года по-казывает, сколь деятельно готовились казаки к отра-жению нападения турок, именно: «град Азов вновь худые места градские стены починивали и обломы вокруг всех трех городов вновь делали, а град старин-ной много мест делан без извести, и от дождевного, государь, мочения часто стены градские разваливаю-тся, а впредь, государь, худые места от приточного времени починит нечем, да и некому, разбрелись роз-но. Да мы-же в городе по приточным местам тарасы вновь зделали и хрящем насыпали, а тарасы делали в ширь от стены традиной в три сажени»*).

В стремлении восстановить свой утраченный пре-стиж, Турция усиленно собирала войска и корабли для производства нападения на Азов и отобрания его у казаков. Москва не втягиваясь в открытый конфликт с Турцией, скрытным образом помогала донским каза-кам в их борьбе против турок, снабжая казаков день-гами, боевыми запасами и продовольствием. Одновре-менно, Москва проводила политику освоения (приру-чения) Донского войска, сменявая всяческими посу-лами и обещаниями казачью старшину. Отлично зная внутреннюю и внешнюю обстановку, в условиях кото-рой казакам приходилось вести борьбу с Турцией и одновременно блистать свою независимость от Москвы, персидский шах сделал в 1640 году предложение дон-ским казакам покинуть территорию Дона и поступить к нему на службу*), но казаки отказались.

Летом 1640 года 23 струга Донских казаков во главе с Атаманом Гункой Черкашениным ходили на дальнюю разведку в Черное море, причем было узна-но, что молодой турецкий султан Сулейман поклялся выгнать казаков из Азова. В январе 1641 года Крым-ский хан во главе 14.000 татар перешел Азовское мо-ре по льду и, приблизившись к Азову, штурмовал по-следний в течение пяти суток. Казаки с успехом отби-ли все нападения татар, нанеся последним в конце же-стокое поражение, причем во время преследования казаками была захвачена даже ханская казна, не гово-ря уже о пленных. Однако, возвратившись к себе в Крым, хан... послал парламентеров к казакам в Азов, требуя сдачи его без боя!..

Казаки не польстились даже на предложенный зо-лотой откуп, ответили крымскому хану буквально сле-дующее: «Взяли мы (казаки) Азов город своим умыш-лением, а не его, праведного государя, повеленьем, взяли своими головами и своею кровью, а головы свои складывали и кровь проливали за истинную свою православную непорочную веру и за дом святого славного пророка и Предтечи Крестителя Христова Иоанна, а на твоё тленое и гибнущее злато и серебро не прельщаемся: будет вам, Крымскому и Турскому царем, Азов город надобен, и вы его так-же доставай-те, как и мы, своими головами и своею кровью...»

Закончив войну с Персией весной 1641 года, ту-рецкий султан приказал румелийскому губернатору Хаджи - Гуроджи - Канаан - паше с подведомственными ему войсками окружить Азов. К концу апреля, 23 ба-тальонов (санжак-беков) янычар, 40 тысяч буджацких татар, 20 тысяч молдаван, 20 тысяч валахов и 20 ты-сяч трансильванцев осадили Азов. В Азовское море вошел турецкий флот под командой Пиал-аги, в соста-ве 150 галер, 150 фрегатов, 200 карамурзалей и чаек, высадивших на побережье десант 84 тысяч чело-век*). К 25-му июня прибыл под Азов турецкий глав-нокомандующий силестрийский паша Сераскир-Гус-сейн-дели с 47 тысячами янычар (из Анатолии) и 40 тысячами черкес и кабардинцев. «В Азове находилось тогда только 1400 казаков, способных к обороне, и 800 жен, которых праведно в число гарнизона полагать можно, потому что оне сию крепость таковож храбро, как и их мужья защищали»). В ночь на 25-ое июня в Азов прорвались прибывшие на помощь 1000 казаков, что несколько увеличило численность защитников Азова.

25-го июня турки в числе 30 тысяч человек пошли на штурм, но были отбиты казаками, потеряв при этом до 6 тысяч убитыми. Потерпев неудачу при штурме, турки подвергли Азов жесточайшей бомбардировке в продолжении 7 (семи) суток, после чего начали вто-рой еще более ожесточенный штурм. Казаки дрались самым отчаянным образом, отбивая все турецкие ата-ки, «при сем жены казаков помогали своим мужьям: с неусыпным прилежанием приносили они к ним на сте-ну пищу, военные припасы, копали рвы, носили земл-ю и лили горячую смолу и кипятки на наступающих».

Потерпев неудачу и во втором штурме, турки при посредстве служивших у них итальянских и немецких инженеро-в, соорудили семисаженный вал и установив на нем 100 осадных орудий, начали новую ожесточе-нную бомбардировку Азова, продолжавшуюся на сей раз ровно 16 суток. Укрепления, разрушаемые турец-кой артиллерией, казаки тотчас возобновляли букваль-но на глазах турок, насыпая новые земляные валы. С окончанием оной вторичной бомбардировки, подде-ржанной судами с моря, турки произвели отчаянный при-ступ крепости, продолжавшийся 24 дня*). Казаки, во главе с своими Атаманами Наумом Васильевым и Оси-пом Петровым, напрягая последние силы, еле держась на ногах от смертельной усталости и бессонных ночей, отбили вновь все атаки турок.

«Турецкой генерал, которой довольно видел, что силою почти ничего учинить не можно, отправил име-нем Пиали-паша Мегмеда-агу, а именем татарского хана Курт-агу и Чехом-агу, в Азов, чтобы козакоч склонить к сдаче и выдать им тотчас 12000 червонных, а по вы-ступлении из города еще 30000. Казаки приняли оных послов очень изрядно: однакож весьма не по их мне-нию ответствовали, объявляя, что они к честной обо-роне довольно оружия и храбрости имеют.»*) Почув-ствовав, что дела турок начинают идти на понижение, казаки начали беспрерывными вылазками тревожить турок, нанося им при этом сильный ущерб. В частно-сти, казакам удалось подвести 28 подкопов под семи-саженный вал со ста осадными орудиями и взорвать его на воздух! Турецкий историк указывает: «Невер-ные (т. е. казаки) подрывались под землю... выкопан-ную землю они бросали в воду. Будучи также весьма искусными минерами, они не переставали делать мины под рекою с помощью осмоленных лодок. Таким обра-зом, они ослабляли действия оттоманской армии 40 дней, в течение которых, многие неверные умели про-браться из крепости и в крепость, бросаясь голыми в Дон, и пlying под водою на спине с камышем во рту, оружие и аммуниция их складывалась в кожаные меш-ки, которые они ташили за собой и таким способом до-ставляли помощь крепости. Для предупреждения сего мусульмане заперли Дон частоколом, через который не было проходу и тем набирали много вещей невер-ных. Казаки, потеряв теперь всякую надежду на по-мощь, продолжали подземную войну, убивая большое число осаждающих.»*)

С каждым днем осады, не взирая на страшные ли-шения, смертельную усталость и недоедание, и на огро-мные потери в личном составе, дух казаков крепчал, между тем, как боевое настроение турок падало... Ог-ромные потери, постоянные неудачи при штурмах Азо-ва, развитие различных эпидемий при затянувшейся осаде, вынудили турецкого главнокомандующего обра-титься за помощью к султану: «Воевать Азов нечем, а прочь идти безчестно: подобного сраму османское оружие еще не видело, мы воевали целые царства и торжествовали победы, а теперь несем стыд от горсти воинов.»*) Султан выполнил просьбу своего главноко-

*) «Древние Азовские и Крымские известия», стр. 89. С.П.Б. 1732 г.

*) В. Броневский: «История Донского Войска». Мо-сква. 1834 г.

*) Вице-адмирал Крюйс: «Географическое описание великих рек Танаиса или Дона и т. д.». Амстердам.

*) «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова и т. д.», стр. 90—91. С.П.Б. 1732 г.

*) «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел», т. III. Москва. 1822 г.

*) «Донские дела», стр. 48, т. II. С. П. Б. 1906 г.

*) «Донские дела», стр. 20-24, т. II. С. П. Б., 1906 г.

*) «Донские дела», стр. 121-122, т. II. С. П. Б. 1906 г.

мандующего и послал ему 35000 янычар в виде помощи, заявив при этом: «или голова, или Азов».

Решив овладеть Азовом, силистрийский паша Се-раксир-Гуссейн-дели, сберегая войска и не желая давать отдыха казакам, начал посылать посменно на штурм по 10 тысяч своих войск днем и ночью.

Истекал пятый месяц безпримерной осады, три четверть казаков выбыло из строя, остальные еле двигались на ногах, боевые запасы и продовольствие были на исходе...

В ночь на 28-ое сентября, Атаман Осип Петров созвал казачий Круг около церкви Св. Иоанна Крестителя Предтечи... «и за всем тем, никто не хотел сказать: сдадимся. Живые захотели быть мертвыми, и все те, которые еще остались на ногах и могли в руках держать оружие, положили: источить последнюю оставшуюся каплю крови: решили не долее, как в следующее утро умереть и как можно дороже продать свои головы. Всю ночь молились, прощались друг с другом, целовали крест и Евангелие на том, чтобы при смертном часе стоять дружно и жизни не беречь. Потом призвали Бога в помощь и при рассвете, в 1-ый день октября, на память Покрова Богородицы, строем, молча и перекрестясь, выступили... На 8 передовых укреплений у турок была мертвая тишина: утренний туман не долго скрывал истину: стан врагов оказался пустым!»*).

Азовское сидение кончилось... Отчаявшиеся взять Азов, турки, потеряв до 40000 убитыми и около 50000 погибшими от болезней, отступили от Азова после бесплодной 5 1/2 месячной осады, стремясь спешно грузиться на корабли... С подошедшей поддержкой, защитники Азова настигли турок на берегу моря и при-

*) Е. П. Савельев: «История Дона и Донского Казачества». Новочеркасск. 1918 г.

*) В. Броневский: «История Дона и Донского Войска». Москва. 1834 г.

няли их избивать, захватив при этом поражении большое султанское знамя...

Героизм и доблесть казаков были прославлены на весь мир, ибо в мировой истории нет подобного подвига, когда 4000 казаков и 800 казачьих жен сумели в течение 5 1/2 месяцев отстоять Азов от нападений 250000 турецкой армии, снабженной могущественной артиллерией и новейшей техникой того времени, далее разбить эту армию и заставить последнюю отступить!!! «Поражение было полное. Донские богатыри сдержали свою клятву: или умереть, или победить. Они показали всему миру, какова нравственная сила и доблесть казачья. Доселе непобедимые и гордые османлысы, наводившие страх и ужас на весь Ближний Восток и Европу, были посрамлены горстью доблестных казаков, ставших своей богатырской грудью за свою веками прославленную честь, свободу дорогой родины и православную веру».*)

Стало от этой поры знаменитого Азовского взятия в 1637 году и знаменитого Азовского сидения в 1642 году, что на Монастырском урочище, расположенном между г. Азовом и ст. Старочеркасской, до самого 1920 года, Донское Войско поминало особой торжественной панихидой, бессмертных Донских Атаманов Осипа Петрова и Наума Васильева и всех казаков-героев Азова.

День поминовения героев приходился всегда на последнюю субботу перед 1 октября ст. ст. (день Покрова Пресвятыя Богородицы). На Монастырском урочище собирался Круг, на котором у часовни-памятника, сооруженной в 1866—1867 г.г. и окруженной рядом старинных азовских пушек, служилась над могилами павших под Азовым казаков торжественная панихида, и после этого совершалось не менее торжественное поминовение...

*) Е. П. Савельев: «История Дона и Донского Казачества». Новочеркасск. 1918 г.

АГАФАНГЕЛ ЛУГОВСКИЙ

Казачья держава будет!

(БЕСЕДЫ СТАРОГО САМОСТИЙНИКА)

БЕСЕДА III.

(О казачьей молодежи).

Муссолини как-то сказал: «величайшая ошибка старых политиков заключалась в том, что они не прислушивались к голосу молодежи».

Муссолини прав, потому что молодежь является неизбежной сменой предыдущего поколения, продолжателем жизни народа.

Для здорового, нормального развития народа необходима преемственность смен, взаимное понимание между ними. Чтобы установилось такое понимание между разными возрастными группами, между «отцами» и «детьми», нужно, чтобы «отцы», в том числе и «политические отцы», прислушивались к голосу «детей». Но не меньше нужно, чтобы и «дети», молодежь прислушивалась к голосу «отцов». Если у последних часто не хватает смелости, энтузиазма, физической силы, инициативности и порыва к самопожертвованию, то у «детей» этих качеств иногда бывает слишком много. Но зато им не хватает знаний, жизненного опыта, хладнокровия, выдержки. А в жизненной борьбе, и особенно в борьбе политической, те и другие качества являются одинаково необходимыми.

Психологический разрыв между «отцами» и «детьми» приводит к особенно печальным, к трагическим последствиям в периоды острых политических, национальных и социальных конфликтов. Очень убедительной и для нас, казаков, чрезвычайно грустной иллюстрацией пагубности такого разрыва представляется период второй половины 1917 г. и первой половины 1918 г. Казачьи отцы тогда звали казаков-сыновей к вооруженной борьбе против осатанелой от большевизма Москвы. А сыновья «держали нейтралитет», подсмеивались над от-

цами, а иногда и просто помогали большевикам против отцов. Вскоре, однако, прошло московское «навождение» у молодежи и вновь восстановилось взаимное понимание. А в результате этого взаимопонимания «отцов» и «детей» — титаническая, героическая и успешная борьба против московского апокалипсического зверя. Борьба — успешная до тех пор, пока не были извращены цели ее, пока слепые вожди и беглые московские люди не столкнули Казачества в московскую пропасть.

Когда Муссолини говорит, что политикам необходимо **прислушиваться к голосу молодежи**, то, очевидно, у него это совсем не значит, что политики во всем должны **слушаться** голоса молодежи, к ней приспосабливаться, к ее настроениям подлаживаться. Муссолини, ведь, — дуче, вождь. Не он идет за другими, а другие за ним идут, его волю исполняют. Он определяет путь, дает идеи, указывает способы претворения идей в жизнь. И все таки он считает необходимым прислушиваться к голосу молодых. Это потому, что в голосах энтузиастической молодежи политик должен уметь выделить, уловить идеи, за которые молодежь самоотверженно пойдет на борьбу до конца, до самопожертвования. Когда же в голосах этих он услышит упадочные настроения, заметит ложные идеи и уклоны, вредные для его народа, он должен суметь поднять дух и направить молодую мысль на верный путь.

Этим же методом прислушивания к голосам молодежи шел и другой выдающийся политик нашего времени Т. Масарик. В начале мировой войны он чутко при-

слушивался и внимательно присматривался к настроениям мобилизованной чешской молодежи и когда убедился, что она активно будет бороться за идею самостоятельного чешского государства, только тогда решил он эмигрировать и начать неравную, сначала казалась — совсем безнадежную, борьбу против Австрии, великой тогда державы, с 53 миллионным населением. Он повел за собой чешскую молодежь, а с нею и целый свой народ. А в результате народ воссоздал державу, триста лет тому назад утерянную.

Еще в большей мере это относится к покойному вождю нынешней Польши, маршалу Пилсудскому.

К несчастью, у нас, казаков, во время борьбы против Москвы, красной и белой, дело обстояло гораздо хуже. Если не говорить о подлаживавшихся к молодежи «отцах»-демагогах, а их в казачьей среде было очень мало, то главная масса казачьих «отцов», плохо разбиравшихся в политике, продолжала думать, что молодежь на то только и создана, чтобы повиноваться приказам старших. А в это время чужие люди путем приказов внушали казачьей молодежи идею «отвлеченную», идею борьбы за «Великую, Неделимую, вообще тогда уже не существовавшую».

Что касается самостийников, которые в большинстве своем сами принадлежали к молодежи, то именно они больше всего прислушивались к голосу молодых хорунжих, сотников, казаков. Из вполне достоверного источника нам лично передавали, напр., что перед отъездом делегации Кубанской Рады в Париж, к ней явились представители молодого строевого офицерства и настаивали, чтобы делегация добивалась признания полной независимости Кубани. И, как знаем, делегация добивалась этого. Но, в то время самостийники сами еще не твердо стояли на своих самостийнических ногах, сами колебались, а потому и не могли заразить молодежь энтузиазмом и верой в идею самостоятельных казачьих государств. А в общем, не было у нас политических воспитанных отцов. Поэтому, они не прислушивались к молодежи, а та не прислушивалась к «отцам».

Не думаем, чтобы теперь там, на казачьих землях, дело национально-политического воспитания казачьей молодежи стояло на правильном, для нас желательном, пути. Из Москвы ей вбивается в голову всеми средствами, вплоть до расстрелов, коммунизм и московско-социалистический патриотизм. В наилучшем случае это, в связи с постоянным террором и экономическим грабежом Казачьих Земель, вызывает у подсоветской казачьей молодежи отвращение к режиму и протест против Москвы и москвитов.

Сведения, идущие из СССР, показывают, что подсоветскую молодежь вообще, а казачью — в особенности, нужно считать одним из главных и самых опасных врагов советской власти. И, быть может, совсем не далеко от истины был сотн. В. С. Криштона, когда на одном из вольно-казачьих собраний (в Лионе), очевидно, непроизвольно воскликнул: «Они все самостийники!» Да, они должны бы быть там самостийниками, поскольку они молоды, смелы, поскольку они чувствуют себя казаками.

Разумеется, как везде и всегда, и в нашей казачьей семье не без уroda. Для иллюстрации такого уродства сошлемся на «Красную Газету» от 23 апреля с. г., где в слащавых тонах рассказывается о том, как кубанский казак Ваня из подпасков (почему то не названо его фамилии!) получил чин лейтенанта, командовал в Москве сначала взводом кубанских казаков, а потом и эскадроном (не сотней!). Приехал потом Ваня этот в родную станицу и там станичники часами-де слушали его рассказы о крепости казачьего советского войска (?).

Конечно, возможно, что все это просто враки для «поднятия настроения» у молодых казаков. А на страницах «Известий» от 6 мая с. г. командир казачьего имени Буденного корпуса Косогов сообщает, между прочим, о том, что из казачьих рядов вышло немалое количество военных начальников — командиров корпусов, дивизий, бригад. Лейтенант из подпасков Ваня, если он существует в природе, вероятно, сделает быструю карьеру и скоро дослужится до комбрига, а может бы, и до комкора. Такие «Вани» едва ли когда-либо пойдут на борьбу за казачью самостийность, как, впро-

чем, не шло на нее и подавляющее большинство и наших старых Иван Ивановичей — командиров корпусов, дивизий и бригад.

Мы раньше уже говорили, что наличие в политической программе одного только «против» (против большевизма) еще недостаточно, чтобы подвинуть массы на вооруженную борьбу. Массам обязательно нужно знать не только «против чего», но и «за что» она должна бороться. Вот этого «за что» в СССР и нельзя оформить, а тем более нельзя выявить, нельзя проповедывать.

Оформление казачьих целей борьбы должно было произойти здесь, за границей, в казачьей эмиграции. И оно произошло, вылившись в Вольно-казачье движение, оформленное журналом «ВК».

И эмигрантская казачья молодежь теперь не может упрекать «отцов» в том, что ей не предложено идейной основы, не показано путей к высокому служению своему народу, не дано действительно казачьей политической программы. Теперь и «отцы» и «дети» совместно, прислушиваясь друг к другу, выработали и твердо знают не только то, против чего им бороться, но и то, за что они будут бороться. Это «за что» выражено в идее **своего, казачьего государства**. Идея могучая, возвышенная, способная зажечь пафосом борьбы казачьи сердца.

Но молодых казачьих сердец в эмиграции очень мало. Если сравнить эмиграцию русскую и казачью, то разница не в пользу казаков, получится поразительная.

Объясняется это тем, что казаки эвакуировались прямо с полей сражения. Семей при себе там, на полях сражений, они, конечно, не имели. Ихние семьи остались дома, в станицах и работах на других полях: сеяли, косили, молотили, вообще хозяйничали и кормили всю армию бойцов своих и чужих, а еще более многочисленную ораву русских беженцев, пробравшихся на казачьи земли во многих случаях с семьями и оттуда с семьями же заблаговременно выбравшихся за границу. Тут, за границей, русские беженцы имели возможность открыть и содержать для своих детей гимназии, кадетские корпуса и военные училища, пансионы и начальные школы. Казаки ничего этого сделать не могли, ибо их самих было сравнительно немного, а детей школьного и дошкольного возраста они вывезли столько, что, пожалуй, их на пальцах можно было бы перечесть. Сравнительно много попало в эмиграцию казачьих юношей, в возрасте 18—20 лет, состоявших уже в войсковых частях или в военных училищах. Но с тех пор прошло почти 17 лет и тогдашние юноши превратились теперь уже в мужей 34—36 лет, и наступает пора превратиться им и в «отцов». Условно, пожалуй, можно было бы считать этих мужей все же молодежью...

Правда, многие казаки обзавелись семьями уже на чужбине и имеют детей от не-казачек. Но судьба этих казачат, родившихся от чужестранок, с нашей казачьей точки зрения, часто печальна: они денационализуются. По этому поводу в «Вол. Каз.» (№ 216) забил тревогу казак, бывший народный учитель Н. Кузнецов (а перед тем — инж. Барылко). Констатируя факт денационализации, он правильно говорит, что «забота о воспитании наших детей в казачьем духе требует неотложных действий... Надо спасти тех детей, каких еще можно спасти... Об этом вопросе заговорила и «Наша Станица» и даже «Атаманский Вестник», орган графа Граббе. В номере 6 «Вестника» Б. Криштафович пишет: «Как сберечь юных казаков, когда и язык школы, и школьный учебник, и игры, и улица и все, все тысячами неприметных нитей заволакивает их наипопадный облик... Но, в противоположность казачу Кузнецову, который говорит о необходимости приостановить денационализацию казачат, русский казак г. Криштафович заботится о руссификации, т. е. о денационализации казачат. Он мечтает о том, чтобы казачатам «говорилось о русской истории... чтобы стала понятной и одухотворенной географическая карта России и казачьих краев» и т. под. Так им понимается «национальный облик» казаков.

Конечно, некоторая часть этих полуказачат станет впоследствии, под влиянием своих отцов, действитель-

ными казаками и добрыми казачьими патриотами. Но мы боимся, что большая их часть будет потеряна для казачества, если сами казаки, местные вольно-казачьи организации, не возьмутся энергично за спасение сих малых душ казачьих.

Именно потому, что слишком мало у нас детей, мы должны дорожить каждой маленькой душой и не допускать ни руссификации, ни чехизации, ни франсизации, ни полонизации и т. д. Те народы без наших душ обойдутся, а нам они нужны до крайности.

Сейчас, впрочем, речь наша будет идти не о них, а о тех, кто уже вырос из коротких штанишек, кто живет или должен бы жить своим умом. Мы будем говорить о молодежи, иногда «условной», взрослой, часто уже возмужалой.

И у нас, как и у эмигрантов русских и украинских, случается иногда, что некоторые казаки-интеллигенты все, в том числе и казачью историю, начинают от себя. До них, мол, был один хаос и полное непонимание того, что в мире творится. Появились они, и от них пошел свет. Отцы, деды — одно-де недоразумение, а потому... «Долой их! Жизнь строить будем сами, без отцов-банкротов». А банкротами, в их глазах, являются казаки-отцы потому, что не сумели охранить своей казачьей земли от большевиков и создать для них, сыновей, хорошей жизни там, дома. Этот добровольный уход в «беспризорные» или, как говорят украинцы, в «безбатченки», объясняется у большинства молодых отрицателей своих отцов мотивами совсем не идеалистического характера, а побуждениями себялюбивыми и материалистическими, в чем они не хотят признаться даже самим себе. А по сути выходит так: здесь, в эмиграции, им плохо, значит — виноваты отцы, значит — они не заслуживают их сыновнего уважения, значит — и разговаривать с ними не о чем.

Оторвавшись от отцов, некоторые казачьи «беспризорники», не зная казачьей истории и действительной казачьей жизни, не твердые идейно, ищут более сильных, чтобы к ним прилепиться, на них опереться. Более сильными им представляются русские, их ведь куда больше, чем казаков и здесь, в эмиграции, и там, дома. И идут наши «беспризорники» в русские организации. А там им рады, там на них охотятся, устраивают для них «казачьи отделы», «казачьи секции» и т. под.

К чести казачьей молодежи надо, однако, сказать, что таких «беспризорных» среди нее сравнительно мало. **Большинство нашей молодежи осталось со своими «отцами».** Вместе с ними молодежь ищет и находит казачьи пути, создает казачьи политические программы, провозглашает возвышенные казачьи идеалы.

Для казачьей молодежи опасна проповедь о ненужности и даже вредности здесь, в эмиграции, казачьих политических программ, но именно такую проповедь ведут некоторые казачьи «отцы». Опасна, потому что молодежь всякая, казачья и неказачья, не может удовлетворяться пороженным местом, верой в ничто. Ей нужно создать высокие **положительные идеалы**, которые проникли бы в молодые пылкие души, подняли бы ее на идейную борьбу и на подвиг ратный. Встретив идейную пустоту у своих «отцов» — проповедников воздержания от политики, молодежь будет искать идейного наполнения у соседей, в русских организациях. А там ее ожидает идейное «рассказачивание» и превращение в правоверных россиян, в московских патриотов.

Пример такого «рассказачивания» мы видим на казаках, вошедших в организацию младороссов. В позапрошлом году, если не ошибаемся, казачий отдел союза младороссов в Праге обращался к чешскому обществу с воззванием о материальной помощи, рекомендуя себя ни больше — ни меньше, как единственными представителями **русской национальной мысли** и единственными реальными борцами против коммунистов, а свое воззвание казачий отдел начал такой шикарной фразой: «Границы России — на седлах казачьих коней». Само собой разумеется, они монархисты и заклятые враги казачьей самостоятельности. Какая там самостоятельность, когда им, казакам-младороссам, нужно раздвигать до бесконечности границы России.

Но младороссы вообще — «юноши гибкие и весьма склонные к политической лжи и вилянию» — так ха-

рактеризует их националистическая газ. «Возрождение», одно время носившаяся с ними, а затем в них разочаровываясь. И действительно, младороссы до того довелись, что их не без основания стали называть то «второй советской партией», то «младобольшевиками». С младороссами-русскими, конечно, виляли и младороссы-казачьи. И уже в прошлом году группа этих «юношей», во главе с вождями сомнительного характера — донцом Чапчиковым и кубанцем Твердым (а к ним каким-то образом примазался и бывший командующий Донской армией ген. Сидорин), выступала с публичными докладами о необходимости казакам защищать СССР в случае войны.

Но как же случилось, что «из единственных реальных борцов против коммунистов» казаки-младороссы превратились в «младобольшевиков», готовых защищать СССР? Присеяв этого превращения, на наш взгляд, вполне естественный. Возникла угроза внешней войны против большевиков. Эту угрозу русские младороссы, а за ними и казачьи младороссы, понимают, как угрозу целостности России. Целость эту будут защищать красная армия и Сталин. Отсюда вывод: красная армия есть ничто иное, как русская армия (к этому заключению пришел и ген. Деникин), а Сталин — выражение идеи целостности России, представитель и защитник ее интересов. В этом младороссы с ним, со Сталиным. Как писала недавно газ. «Русь» (орган «Национального Обединения»), «Сталин — это единственная надежда России». Вместе с тем, там же, ему было выражено сочувствие по поводу того, что положение его сейчас «тяжелое».

Так замыкается логический круг для недалеких, но рьяных чрез меру и последовательных защитников идеи «Великой, Единой, Неделимой». К этому должны были прийти младороссы, а в хвосте за ними плетутся и сбившиеся с казачьего пути казачьи младороссы. Совершенно лишне говорить, что их советофильская пропаганда не только не имела среди казаков успеха, но и отпугнула от них немногих бывших с ними молодых казаков.

Впрочем, у младороссов (иначе — младобольшевиков) есть мало понятная дыра в их логических умозаключениях: они монархисты, хотя логически должны были бы уже стать сталинистами.

Недавно пришлось прочесть в «Младоросском Слове» (№ 135) заявление их вождя г. Казем-Бека (какое чисто младоросское имя!) следующее «знаменательное» слова: «Участие Романовых в нашей работе — дело Романовых и наше. Сотрудничество Романовых с нами — не случайно... Это участие подтверждено словами вел. кн. Дмитрия Павловича, приведенными в той же газете: «Связь между императорской династией и младоросским движением в моем лице осуществляется особенно полно. Она еще глубже, чем может казаться со стороны... Правда, другой вел. кн. Андрей Владимирович, «опроверг» своего неосторожного сородича, заявив («Голос России» № 49), что «императорская династия, как таковая, в младоросской работе никакого участия не принимает, но в дальнейшем и этот отпрыск дома Романовых подтвердил, что глава императорского дома относится к младоросской молодежи сочувственно».

А в общем, мы можем только сказать: «Чудны дела твои, Господи». Младобольшевики и... императорская династия, хотя бы только — бывшая! Какая чехарда! И существуют на свете белом «казаки», которым нравится участвовать в этой «благородной» игре. И это вместо того, чтобы стать на прямую и ясную дорожку служения Казачеству, служения действительно благородной идее казачьей державы.

Впрочем, за последнее время у казачьих младороссов, как и у бывшего командующего Донской армией ген. Сидорина, происходит какой-то очередной «перелом» в настроениях. Ведь не даром же «вожди» (хотя и водить то некого!) Чапчиков и Твердый — стремящаяся молодежь далеко не первой молодости — клаялись и божились на одном из недавних казачьих собраний в Праге, что по отношению к большевикам они занимают непримиримую позицию и верят, что Казачество в будущем пойдет собственной исторической дорогой (какой? — они об этом умолчали). Говорят даже, что

они, вместе с ген. Сидориным, вновь выпустили зовзвание к чехам о пожертвованиях на борьбу с большевиками в индивидуальном порядке. Но кто же им теперь будет верить? И это тем более, что в то же время на собраниях их однопартийцев-младороссов в Афинах — произносятся тосты «за национального вожда красной армии Ворошилова («Голос России», от 1 июня с. г.).

А в конце концов, что же, в смысле идейно-программном, хотят дать Казачеству казаки-младороссы? (Нам просто неловко называть их казаками, до того они преобразились в русских!).

Прежде всего они предлагают нам все ту же «Великую, Единую, Неделимую». — Но в настоящее время проблема «неделимой», в результате мировой войны и последовавшей за ней революции, очень усложнилась, т. е. «неделимую» немножко поделили.

Где должны пройти, по программе младороссов и иных русских националистов, границы «Великой»? Ведь эти господа, сидя еще у разбитого корыта, точно подсчитывают, сколько земли и душ от нее отделено, у нее «украдено». Оказывается, что война и революция стоили «Великой» — 876.924 квадр. километров из общей площади 21.727.362 кв. клм., т. е. около 4 %, и 25.724.559 душ или 15 % к населению 1918 г. Земли, бывшие в составе России, с людьми на них живущими, отошли к 7 державам (Финляндии, Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Румынии, Турции).

Слава Богу, живут теперь там люди спокойно, по-людски, мирно работают, плодятся и множатся, не испытывая всех ужасов «райского» режима «Великой» советской. И казалось бы, только радоваться нужно, что страшное всероссийское землетрясение пощадило этих людей. Так это выходит по-человечески, но не так по-русски, по-московитски. Русские националисты и даже «демократы» типа г. Миллюкова, зубами скрежещут в бессильной ярости при мысли, что столько земли и столько народов ускользнуло из под владычества Москвы, хотя бы она была и красной от крови. Они не мирятся и не примирятся с утратой этих «вотчин русского народа». По свержении большевиков, они постараются любой ценой возвратить их в лоно Великой, хотя бы те руками, ногами и зубами отбивались (а они будут отбиваться) от «счастья» снова попасть в «тюрьму» народов. Они постараются также не выпустить из своей тюрьмы и народы, ныне еще находящиеся в составе СССР и мечтающие освободиться в период падения большевиков.

Отсюда — на долгие и долгие годы политические осложнения и ожесточенные, истребительные войны, внешние и внутренние. А казаки должны помнить, говорят нам казачьи младороссы, что «границы России — на седлах казачьих коней». Если казаки останутся в составе России, то, конечно, в первую голову их пошлют добывать эти границы, их пошлют на истребление. Но казачьи матери в муках рожают своих сыновей, а казачьи отцы тяжким трудом своих рук воспитывают их не для уничтожения, не для убоя в пору молодости и з расцвете сил, но для жизни счастливой, для свободы, для процветания и счастья своего, казачьего народа! Для казаков — «Великая» это — Молох, пожирающий их детей. Зная предстоящую ему там роль, Казачество не может быть увлечено чуждой, далекой ему, совсем отвлеченной для него идеей «Великой, Неделимой». Для него — это пугалище, к которому могут быть применены слова поэта XVIII ст. — «обло, огромно, стозебно и лайя». Впрочем, есть и современные поэты, которых страшит «Великая». Советский поэт В. Луговской в таких красочных словах характеризует ее:

«Мне страшно назвать даже имя ее,
«Свириное имя: родина.

.....

«И страшная, русская, злая земля
«Отчаяньем сердце точит»....

Русская земля страшная, злая, имя свириное! А в противоположность этому вспомните, сколько сыновней нежности, сердечной мягкости и любви беспредельной вкладывает казак в имя Тихого Дона, Рольной

Кубани, Бурного Терека. Имена их веселят сердце казачье, радуют его и отчаяньем отнюдь не точат!

Итак, первый младоросский, вернее — общенационалистический лозунг: «Великая, Единая, Неделимая» для казаков притягательной, захватывающей силы совсем не имеет; наоборот, он их отпугивает. Впрочем, и сами русские уже начинают сомневаться в обаятельности этого клича (см. «Сигнал»), находя его отвлеченным, т. е. пустым, поскольку в него не вложено политического и социального содержания.

Вторым «притягательным» пунктом своей программы младороссы выставляют монархизм. Слова — царь, император много-де говорят сердцу казачьему.

О сказках про «казачий монархизм» мы уже говорили в одной из предыдущих бесед и потому тут повторяться не будем. Скажем лишь одно: если Казачеству чужда идея «Великой, Неделимой», для которой нужен царь, то тем самым ему будет чужда и идея монархизма. На казачьих землях и в будущей казачьей державе царь — ни к чему. Там его не было и не будет. Он был и, быть может, будет в Москве, в России (в нынешней советской Великороссии). Быть может, там он и нужен. А казаки в старое время обходились без царя и в будущем без него обойдутся.

Наконец, третьим китом, на котором стоит младоросская программа, является национализм. Само собой разумеется — русский национализм, русская (т. е. великоросская) народность, как основа «Великой, Неделимой».

А как же с остальными, многочисленными народностями, обитающими на территории 1/6 части земного шара? Очевидно, все другие национальности, кроме русской (москвитов) должны исчезнуть, превратившись в русских (москвитов)? Но возможно-ли такое сплошное обрусение 80-ти миллионной, а с «украденными» — и 100 миллионной не-русской массы, возможна-ли такая полная ассимиляция? Послушаем, что говорят на этот счет авторитетные люди.

Знаменитый профессор Петербургского университета Бодуэн де Куртене, известный своей чистотой совести и научной честностью, писал в 1906 году следующее:

«Россия является государством не только не Великорусским, но даже не Славянским. По преимуществу из среды Великороссов, или же притворяющихся таковыми, выходили разрушители России, в виде обрусительных чиновников. Не спасут России усилия ее возлюбленных привилегированных сыновей (т. е. Великороссов, Аг. Л.). Россия погибнет от всероссийского патриотизма, от национального эгоизма обрусителей и общегосударственных громил. Нельзя признать самодержавия Великорусского народа, распоряжающегося судьбами инородческих смердов. Пора бросить эту пагубную фикцию».

Востину пророческие слова, относившиеся не только к недавнему прошлому, когда Россия гибла от «общегосударственных громил», но пророческие и по отношению к настоящему и будущему, если бы власть снова временно попала бы в руки русских националистов — «обрусителей и общегосударственных громил».

А вообще, можно-ли говорить о «русском национализме» и при том, как о начале центрирующем, государственно строительном? Вель вот же пишет общепризнанный русский патриот проф. Е. Шмурло в своем «Введении в русскую историю», изданной уже после революции, в 1924 году, что «сложиться в нацию московский народ еще не успел и путь предстоит нам еще долгий, в нацию мы еще не превратились и до национального самосознания еще не допости».

Итак, с одной стороны, то, что должно быть, по мысли русских националистов, «Великой, Единой, Неделимой», представляется в виде не великорусского, а многонационального государства, а с другой — господствующая, «самодепжавная» в нем нация (великороссы), собственно говоря, не является еще и нацией, ибо члены ее «до национального самосознания еще не доросли».

Какой же может быть «национализм», когда нет еще сознательной нации, а есть лишь колоссальное

число человеческих особей одного происхождения?

Немецкий ученый проф. Мичерлих в своей известной книге «Национальное государство, национальное хозяйство и их будущее» утверждает, что «Россия не есть национальное государство, Россия есть империя». Из нее, так же, как и из Британской империи нельзя создать национальное государство, державу, основанную на принципе национализма.

Некоторые из русских патриотов и это начинают понимать. Так, в «Голосе России» автор передовицы (20/IV-1937 г.), как бы подхватывает и развивает идею проф. Мичерлиха: «Французская «nation» и немецкая «Nation», пишет он, представляют собою действительно национальные государства с резко обрубленными на границах национальных — государственным границами — и тут о национализме говорить очень просто. Нам об этом говорить гораздо труднее, ибо Россия есть государство не национальное. Иначе говоря, не просто государство, а Империя. Если в основу будущего отстроения Империи Российской мы поставим не имперский, а национальный принцип, то на этом принципе мы далеко не уедем. Сейчас же возникает необходимость определить границы этой нации. Войдут ли в понятие этой нации только великороссы? Или великороссы, малороссы («Голос России» боится употреблять слово — украинцы) и белоруссы? И сможем ли мы отказать в «национальной принадлежности» тем нашим кавказским кунакам (?), которые совсем не плохо дрались за Россию? (Мы бы добавили: не только «кунакам», а и татарам, туркменам, киргизам, узбекам, и пр., и пр., которые тоже дрались за Россию, если вся суть дела заключается в том, чтобы не плохо драться за Россию). В понятие национализма, продолжает автор передовой статьи, неизбежно входит какой-то элемент **эксплуатации и заработка** (Очень ценное констатирование! Аг. Л.)... Те наши организации, которые именуют себя «национальными», как мне кажется, несколько ошибаются. Ибо Россия — это не есть «нация», а есть **гигантский конгломерат наций**, конгломерат, которому в не столь отдаленном будущем, вероятно, **будет принадлежать мировое господство**»....

Извиняемся за столь длинную выписку, но приводим ее потому, что автор статьи совсем не плохо говорит, вместо нас, о неуместности понятия «русский национализм». Заменяя термин «национализм», являющийся в России, по его мнению, невозможным и всегда основанным на «эксплуатации и заработке», автор подставляет, как программную цель, империализм.

А что, собственно, значит империализм? Ведь под этим термином понимают стремление к беспрестанному расширению государственных границ, к насильственному захвату, проще говоря — к грабежу чужих земель и народов, и тоже — к эксплуатации и заработку».

В сущности, говоря, мы не видим большой разницы в этих терминах, когда их употребляют русские патриоты. Ведь термином «национализм» великороссы стараются только закрыть, затушевать подлинную сущность своих политических стремлений, свой империализм — захват чужих земель и народов, эксплуатацию их. Империалисты из «Голоса России» только откровеннее и, пожалуй, размашистее «националистов». Ведь откровенные империалисты мечтают не больше — не меньше, как о «мировом господстве». Сами, в своей Московии толку не могут дать, большевиков не могут прогнать, а уже над миром хотят владычествовать!

Впрочем, желание владычествовать над миром не является привилегией только одних русских национал-империалистов. К тому же стремится, как свидетельствует П. Сазанович из «Возрождения» (24/IV с. г.), и другое русское политическое течение — марксо-коммунизм, который «претендует на мировое господство, на «планетарность». Русские марксо-коммунисты (большевики) и русские национал-империалисты на этот предмет могли бы подать друг другу руки, одни других поддерживать, ибо цель у них одна: мировое господство. А спор между ними домашний — кому Москвой править и над миром владычествовать.

Мы, казаки, не желаем идти за ними ни по этому пути, ни по какому иному. **Нам достаточно нашей Казакии.** Там будет что делать и нам, и нескончаемым поколениям наших потомков.

Нам припоминается, как когда-то казачий вождь Богдан Хмельницкий сказал польским посланцам после одной из своих побед: «Нехай вам ваша Польша, а Украйна нехай нам, казакам, зостанеться». К сожалению, не случилось тогда так, как предлагал Хмельницкий. А это, вероятно, было бы лучше, как для Польши, так и для казаков. Быть может, не страшно бы над польским народом страшного несчастья в виде раздела Польши и не была бы поработана Украина и уничтожена Сич вслед за разделом Польши.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ СЕЙЧАС СЛОВА ХМЕЛЬНИЦКОГО, мы скажем националистически настроенным старым и молодым россам и их молодым и не молодым казачьим приспешникам: «Пусть вам ваша Москва, а Казакия пусть нам, вольным казакам, останется».

С Л Ы Ш У !

V.

Перед глазами казаков, ушедших в эмиграцию, блеснула кровавая страница падения Российской империи. Казаки осознали и точные причины этого грандиозного крушения. Перед внутренним взором их прошли картины и того, как некто в сером загулял по проселкам и дорогам Руси, по улицам и переулкам сел и городов, луща семечки, ругаясь гнусной матерной бранью, оскверняя храмы и могилы...

Казаки впутались в трясину чужого им добровольческого дела и ходили «спасать» русский народ под водительством чужих по духу, крови и психологии вождей, вроде Деникина.

Казаки потеряли все — и отчий дом, семью, детей, оставили там могилы без крестов, сожженных русским «богоносцем»...

В кошмаре заграничных скитаний мелькнуло 17 жутких лет. И осталось у казака в изгнании: израненное тело, смятенная душа и самое ценное в мире — **честь!**

И когда из чужой подворотни услышишь здесь, на чужбине, шипящий возглас русских братушек «изменники казаки!» (в особенности достается кубанцам) — не подвели белого коня Деникину, не спасли Москву! — на душе делается омерзительно противно...

На призыв части казачьей старшины «служить»

матушке России, «спасать» русский народ, хочется спросить: с кем же вы, братья - казаки командиры, пойдете это делать? С теми же вождями, благодаря которым разрушены казачьи гнезда, где и по сие время насилуются наши дочки, где стонут отцы и братья, матери и сестры? — Если недостаточно еще ярка характеристика, данная этим вождям в газете «Сигнал» в статьях доблестных дроздовцев, — можно привести и еще одно мнение — мнение русского проф. **Н. Н. Алексеева**, тоже участника «белой борьбы».

В своих воспоминаниях, на стр. 183, он пишет: «глубокое чувство безнадежности овладевает душой, когда смотришь на всю эту галерею военачальников добровольческого дела; было их много, но не находилось ни одного действительно незаурядного человека, все они в зените даже своей славы обнаруживали какое то страшное ничтожество...»

Неужели казаки пойдут с теми вождями, которые в своих писаниях не стараются даже смягчить своих неприязненных чувств к казакам, которые высмеивают и издеваются над государственным строительством Казачества в пору войны, которые в своих непредвзятых ожиданиях навешивают удручающую апатию на душу, в которых чувствуется тихое отмирание живой мысли и заметно лишь слабое желание до-

тянуть дни свои за счет «милости», а кто подаст ее, повидимому, безразлично...

Неужели казаки пойдут с теми представителями русской элиты (писатели, журналисты, художники), которые в газете «Оборонческое движение» пишут дословно следующее: «ни национальная революция, ни народные восстания не могут спасти Россию от японо-германского завоевания. Может сделать это лишь русская красная армия — единственная защитница родной страны. Поражение красной армии — гибель России. Всякий, любящий свою родину, каковы бы ни были его политические убеждения, обязан сделать отсюда отчетливые и беспощадные выводы...»

Неужели казаки пойдут «спасать» Неделиму с теми бюрократами, которых так ярко охарактеризовал бывший председатель Государственной Думы Родзянко в своих воспоминаниях о крушении императорской России, чтобы превратиться опять в «опричников»?..

Неужели казаки пойдут с теми русскими эмигрантами, которые «валом ваяют в русскую секцию, где так прекрасно их обрабатывают большевики», как пишут в газете «Сигнал»?

— Казаки ясно осознали, что прошлая почти трехлетняя борьба была не только с большевиками... Казаки ясно поняли, что старая Россия навеки умерла, что часть казачьей старшины может по ней тосковать, но только, как по покойнице, что здешние «недорезанные» русским народом помещики, бюрократы, часть общественных бывших деятелей — все это последние призраки прошлого, возврата к которому быть уже не может.

Казак, красивым, свободным взмахом руки осеняющий себя православным крестом, без русского кликушества и ханжества, не пойдет спасать народ, штурмующий небеса, тот народ, о котором тот же проф. Алексеев на стр. 242 пишет: «был в Германии, Турции, Болгарии, Сербии, видел крымских татар — везде народ добродушный и сходный, и все тревожит вопрос: почему такие злые русские люди?»

Казак не желает уже нагружать на себя чужую тяжесть и идти в бесконечную даль служить «матушке», служить бескорыстно и самоотверженно, служить чужим идеям, жертвовать собою во имя чужих идеалов.

Казаки не пойдут на зов той части старшины, которая зовет идти в рабство к русскому народу, ибо в казачьей душе нет веры ни в монархов с советами, нет надежды на непредрешенство, нет любви к империи, во главе с Великобританией, а главное — казачья душа потянулась к своему, казачьему...

Не вземлет уже больше казачья душа песню о русском рабстве, о русской казарме без воздуха и живой творческой мысли. Славная, доблестная казачья душа рвется на зов своего родного идеала: свободная, красивая Казачья Степь!

Какими бы красивыми флагами не прикрывались бы отдельные, с каждым днем все уменьшающиеся, группировки казачьей старшины, вроде «Союза Казачьих Войск», или «Казачьего Набата», или «Казачьего Пути», — **рядовая казачья масса, а также все увеличивающаяся вольно-казачья старшина, по пути «единой, неделимой» не пойдет и не подставит своей шеи под новое ярмо русского народа.**

То, что подымалось там, на родных реках Дона, Кубани, Терека, Яика в туманных очертаниях, здесь, за границей, приобретает четкие, определенные и яркие формы обновления свободной казачьей души; растет с каждым днем вера живой мысли, вспыхивает ярко пламя горения жертвенного служения идее казачьей свободы.

В тяжести скитальческой жизни у чужих станков, у чужих плугов и молотов, дает нам силу не перспектива русского молота, разбивающего казачьи черепа, не висящий смрадный котел для сварки в нем русака и казака, а **святая идея свободного казачьего государства. Только эта идея, и единственная при этом, может объединить Казачество за рубежом и там....**

А может, это все есть лишь только мечта, красивая фантазия казаков-националистов, что спасение Казачества в создании своего государства, а в действительности казачий выход — в создании былой мощной Российской империи?

Нет, бывшая империя раскачивается ныне всей своей махиной одной шестой части суши под кнутом Сталина на качелях с гнилыми веревками, и скоро вновь ввергнется в еще, может быть, худшую пучину бедствий. Спасение наше не там...

В воспоминаниях проф. Алексеева, на стр. 189, мы находим следующее: «у меня, как и у многих великороссов, была тогда в пору белой борьбы особая мнительность даже к самым малейшим проявлениям самостоятельности. Может быть, это было одной из роковых наших ошибок.... Теперь я думаю, что осознание отдельными частями России их собственного бытия является одним из непрекращаемых фактов, о которых можно жалеть, которые можно ненавидеть, но с которыми нужно считаться. Как бы ни сложилось будущее наше, едва ли можно в нем устранить теперь эту силу отделения частей от целого, и всякая разумная русская политика должна заключаться в том, чтобы организовать действие силы смягчением, а не бесцельным и неразумным насилием».

Читая эти строки вдумчивого русского мыслителя, в душе вспыхивают чувства горечи за своих же родных братьев казачьих командиров, которые в бесплодных поисках путей спасения России, мучатся, предлагая Казачеству служить сегодня одному, а завтра другому... Уничтожая этим живую душу казаков, создают глухое брожение и недовольство, которое и проявляется в том, что Казачество отходит окончательно от всех неказачьих по духу организаций, уважение и престиж к старшине теряется, «стена» т. называемых «диких» растет.... И ничего удивительного не будет в том, если эта стена стройными казачьими рядами **воляется в ВК движение.** В этом (на первый взгляд) парадоксе, нужно сказать правду, — положительные результаты работы «русских казаков».

Неужели не понятно, что казак, подавляя в себе отвращение к мертвому чужому труду, подавляя удручающую апатию, навешиваемую чужой обстановкой, носит в душе своей одно только постоянное желание, один порыв: к своему казачьему Порогу, обесчещенному ворвавшимся жадным русаком.

Неужели «русская» казачья старшина не видит, как от нее отходит рядовое Казачество, что последнее кричит: **долгой чужие программы, прочь с чужих путей, долгой смрад чужих мыслей, смело — к свету лазурных казачьих свободных степей!**

Неужели эта казачья старшина (в сонме бездейной русской эмиграции одинокая) пойдет, среди могильной тишины, по старым путям, унося в сознании впечатление оставленных, но двинувшихся к казачьим краям тех казаков, с которыми совместно шли на смерть, на жизнь, на славу....

Допустим на миг, что русские эмигранты с помощью казаков, создав благоприятные возможности, «спасли», наконец, русский народ. Но, неужели казак поверит здесь, что достаточно только перед плавающей в тумане будущего российской властью апеллировать к «спасенному» народу своими ссылками на исторические, этнографические и экономические права, как по мановению волшебной палочки для Казачества откроются казачьи края, уйдут, улыбаясь, уступая нам путь, из казачьих домов те 90 % русских насильников, которые заселили Каменскую станицу, как сообщает оттуда старуха мать своему сыну полковнику, в мягких выражениях: «90 % незнакомых».

Вспыхнул ли этот сын-казак, лихой рубака, бесстрашный воин и мой друг, святым чувством гнева? — Нет, спит еще и дремлет около него и несколько славных когда-то казаков....

Неужели этим орлам степным не снится блестящий искрящийся Донец из Каменской? Неужели не мерещится им родная тень старой казачки у берегов его? Не видится она, родная мать, что идет знакомою тропкою к берегу его, вся в слезах? Неужели не чувствуют они, как грустит она о сыне, вызывает к нему и к Богу в горести глубокой, скорбит о жизни беспресветной одинокой?... А в станице притаилась жуткая нечеловеческая злоба, приуныли родные казаки, не слышны песни вольные....

И шепчет старая казачка, слезою истекая: «Эй, вы,

дети мои, поскорее ко мне, сбросьте цепи мои вы тяжелые... А сыны? — спят!

Но вот, как будто зашевелился сын и пишет мне письмо: «Хотя мы «идеологически» на разных берегах, но я тебя люблю, «изменника», и целую, я — «русский казак».

И хочется сказать ему: родной, пригребай ко мне, к нашему берегу, где стою я и твоя, тоскующая по тебе, родная мать...

Надо раз навсегда сказать, что казаки не навоз для русского народа, что они не жандармы для охраны интересов русских помещиков и покоя русской бюрократии... Казак должен стать рядом с другими народами, как равный с равными. Это нужно осознать ясно и твердо. А борьба за это — это наша сейчас национальная казачья идея. Нам, казакам, от теперешней нищеты к нашему будущему счастью путь ведет только лишь через борьбу. Борьба смелая, упорная со стиснутыми зубами... Мы здесь, на чужбине, как бы специ-

ально посланы Богом для осознания своей горячей любви к своему родному Казачеству. И будем преступниками, если будем фантазировать, ожидая чужих указов или рескриптов будущего правительства «единой, неделимой» на свои казачьи «привилегии». Мы сами должны ковать свой казачий молот для защиты своего свободного казачьего Порога и Угла.

И хочется мне крикнуть этим родным казакам-командирам: **бросьте чужие программы и чужие дела, вслушайтесь в казачий вздох и вопли здесь и там, в те звуки страдания среди жуткой темноты; отгоните выражение тоски и печали из казачьих глаз, подайте команду: шашки вон, пики к бою! Слушай!**

И — забурлит казачья кровь, снова вспыхнет яркая любовь к своим орлам командирам и вся доблестная могучая казачья лава, вся эта непревзойденная никем «шашечная аристократия» ринется в бой за Свободное, Нераздельное Казачье Государство!

(Продолжение следует)

Ген. И. Коноводов.

Полк. А. ЕРМАКОВ.

О „БЫВШИХ“

Статья на эту тему написана была мною в январе месяце с. г. и послана в один из казачьих журналов для печати, как ответ на статью: «Донской Войсковой Круг» и «Глас народа», но, к сожалению, не была напечатана и не возвращена.

Прошу Вас, г. редактор, напечатать ее в нашем журнале (с некоторыми весьма незначительными изменениями).

Прочитавши в родном нам журнале: «Слышу!» и услышав твердый, честный, открытый и искренний ответ истинного казака по большим вопросам об отношении нашем «к бывшим», я убедился, что мысли и думы мои не одиноки и жив еще дух казака. Я решил поставить точку над «i» и точно и навсегда определить наше отношение «к бывшим» всех категорий, не принявшим казачьей программы и нежелающим расстаться с мантиями величия.

Последнее время казачья пресса достаточно уделяет места «бывшим», но не определяет отношения вольных казаков к ним.

Не буду говорить о делах «бывших», свидетелями которых мы были, и не обращаюсь к ним. Я хочу говорить только вольным казакам. Хочу определить наше отношение к «бывшим» Атаманам, вождям и политическим деятелям так, чтобы не было места никаким кривотолкам.

Что они делали, мы знаем. А еще больше о их делах скажет беспристрастная история и поставит их по заслугам каждого на свое место.

Как они нас водили, мы тоже знаем, даже чувствуем.

Были такие: пели про Стеньку Разина и Атамана Булавина, а нас вели спасать даму сердца своего — Москву.

Вот какие были рыцари, только не родных сте-

пей, а московские. Ради своей «дамы сердца» они могли жертвовать Казачеством.

Водили и завели, рассеяли по всему свету и бросили, как нечто больше уже не нужное.

Денежки казачьи тоже растранижирили.

Семнадцать лет ничего не говорили и советовали нам тоже молчать.

Сами же получали пенсию от своих господ за верную службу Москве.

В последнее время и они зашевелились (видимо, пенсия прекратилась) и даже заметно поползновение у кой-кого присосаться к молодому телу ВК.

Уговаривать их и объяснять им нечего, исправить мы их не исправим, если Бог их не исправит. Они знают, что хотят и что делают. Они для нас политические и гражданские мертвецы, трупы.

О трупах я бы не писал, но трупы эти опасные, ибо, соприкасаясь с ними, можно заразиться, а трупный яд — смертелен.

Нам нужны не «бывшие», а настоящие испытанные и преданные Казачеству вожди.

Дверь Казачества открыта и каждый истинный казак может войти и работать простым, рядовым казаком, снявши старые чужие мантии, тоги, чужие чины и звания. Работа на пользу Казачества и определит их потом положение среди казаков.

Братцы! Мы должны помнить ошибки недавнего прошлого. Атаманами, вождями и водителями могут быть только истинные и преданные Казачеству в казаки. Доброхотам Москвы и «добраго сердца казакам» — нет места среди в казаков.

Проснись, казак! — тебя Казачья Родина зовет!

Поведут тебя верные и преданные Казачеству вожди. Казачий народ не пропадет. Казачество должно возродиться! Казакня должна родиться!

А. С. ТЫРИН.

Что могло быть...

Мне (из чужой печати) пришлось узнать о докладе, недавно прочитанном в Польше генералом польской армии Кутшебой о некоторых моментах польско-советской войны. Приведенные им документы поучительны и для нас, казаков, а поэтому привожу тут ту часть доклада, которая непосредственно может интересовать нас.

«Польша приняла навязанную ей борьбу, даже больше, перешла в наступление, занимая на Пасху 1919 г. Вильно. Здесь мы как бы остановились на рубеже событий: Россия, которая желала бы мира с

Польшей, которая уважала бы права Польши на владение польскими землями, — могла заключить с Польшей мир, признав занятие нами Вильно. Но, Россия советская желала нести коммунистическую революцию через Польшу на запад, мира чам не предложила, а, наоборот, в течении всего 1919 г. вела с нами войну.

«Вскоре положение Сов. России сильно ухудшилось: Добровольческая армия ген. Деникина, сформировавшаяся в южной России, начала победоносный поход на Москву.

«Казалось бы, что совместными усилиями Пилсуд-

ского и Деникина удастся разбить советские армии и, в результате, уничтожить большевизм в зародыше...

«Однако, прежде чем Польша решилась на совместные действия с Деникиным, Пилсудский выяснил его взгляды на будущность Польского государства. И был разочарован, т. к. узнал, что Деникин не намеревается признать полной независимости Польши, а жаждет только военной победы над советскими армиями, чтобы, по свержении советского правительства, созвать Учредительное Собрание, которое бы и приняло на себя задачу определения размеров политической самостоятельности Польши.

«Практически это должно было означать, что Деникин относится отрицательно к возникновению самостоятельной Польши.

«Вследствие этого, Пилсудский решил не вести совместных действий с Деникиным, а, наоборот, облегчить советам победу над Деникиным. И поэтому, когда осенью 1919 года советские армии громили Деникина, польская армия в течении ряда недель стояла с ружьем у ноги, как бы соблюдая неофициальное перемирие.

«Давая возможность советам разбить Добровольческую армию Деникина, Пилсудский противился первым проявлениям нового русского империализма, идущего дорогой империализма царского...»

Здесь я остановлюсь и, на основании вышесказанного, спрошу «русских казаков»: А что было бы, если бы в то время у руля верховой власти у казаков стоял не ген. Деникин с его казачьим поклонниками, а казачьи патриоты, — были ли бы мы здесь, терпели ли бы мы непосильное изгнание, а там, в казачьих землях, нечеловеческие муки?

Сейчас в Европе снова сильно запахло порохом, который разбудил даже до сего времени спавшего Харламова и иже с ним. Они спростоня бросились «спасать Дон» и, с первого же шага, приносят ему вред, расчлняя казачьи силы.

Господа бывши люди, не будет Дон вольным, если Кубань-Терек будут подневольны... **Кубанец и донец — одно целое, наша судьба переплетена, неразрывна; мы все одинаковые казаки и должны идти одним казачьим шляхом всегда и до смерти.** — В этом наша сила, а не в ваших письмах-воззваниях (журн. «ВК», № 221, «Слышу!»), которые ничего нового не дают, кроме одной лишь скрытой неискренности.

Безусловно, **раздельных, нас легче запретить в русское или иное ярмо.**

Нет, господа, вы действительно проспали. Патриотические казачьи съезды уже были, на которых уже и приняты планы спасения Дона и др. казачьих Войск.

Или, по вашему, там, где руководите не вы, цель не будет достигнута? — А по моему, срок вашим неудачным полномочиям давно уже истек и сейчас ценности никакой они не представляют.

Господи, да неужели у казака отмерло в душе понятие об истине, неужели судьба-изменница опять нам сулит в командиры «бывших»?

Харламовы, Филимоновы и подобные им бывшие члены казачьих парламентов имели собственную территорию, имели власть, имели богатства, имели казачьи дивизии, скажу больше — красный враг был выброшен за казачьи грани, — они имели все, что могло спасти Казачество... Спасли ли вы тогда Казачество, а вместе с ним и Дон?

Если тогда, когда в ваших руках были такие неограниченные возможности, **вы повергли Казачество в пучину тяжких мук, лишили его жизни,** — то теперь не вам и не с вашим «верую» воскрешать его. Лучше прислушайтесь к зычной команде казачьего патриота, донского генерала Коноводова: **ста — но — вись!!**

И если в ваших сердцах есть хоть частица любви к казачьему, — спите дальше и не мешайте, не мешайте казачьим патриотам делать то, что не смогли сделать вы.

Слава Казачеству!

Ставаймо усі ми під прапор один!

Сімнанцять вже років безвинно тягає
Народ наш козачий, важкі кайдани;
Терпить люту муку, а йдосі не знає
Не бачить козак за собою вини.

Живуть там брати наші босі і голі,
Що-дня у ярмі, як ті бідні воли;
А ми не в ярмі, а живєм тут на волі,
Та лихо — забули, відкіль ми прийшли.

Забули, що край наш запав у кріпацтво.
А в нас тут ні згоди нема, ні ладу...
А хто ж обрятьє нещасне Козацтво,
Хто з плеч його скине страшну ту биду?

Давно вже гукає Отаман Походний,
Усі щоб ставали під прапор його;
Бо він же справжній наш обранець народний
І батько законний Козацтва всього.

Так чом же не йдем ми? Чого дождаєм?
Якого ще треба всім нам ватажка?
Хіба ж ми оглухли, не чуєм, не знаєм,
Яка в нашім Краї недоля важка?

Так щож! Нема лиха! За комір не капа.
Живем неголодні — співаєм пісні!
Не давить за горло ворожа нас лапа,
Не бьють, не стріляють кати навісні.

Ой лихо, ой сором! Хіба ж ми забули,
Що в жилах козацька тече у нас кров?
Ще в наших батьків про змагання й не чули,
Була тільки згода, братерство й любов.

Брати ж мої рідні! Покиньмо змагання,
Покинемо свари і всякий розброд!
Та зробим єдине велике повстання
За рідний, нещасний козацький народ!

Каждый казачий патриот

должен подписаться на журнал „ВК“

ВК округу в Болгарии

Братья казаки!

Именем В. К. Округа во Франции приветствую в лице вашем всех — истинных казачьих патриотов, сумевших выявить большую работу по преодолению несогласий, разногласий и чванство... и «на основании имеющихся документальных данных, прекратить всякое сотрудничество с «Центр. Правлением в Чехии» в виду того, что вышепоименованные документы уличают разрушительную и изменническую работу «Центр. Правления», подрывающую основу национального освободительного движения — измена казачьему государству — Казаки, и прекратить с ними всякие сношения».

Иначе и быть не могло, чтобы вольные казаки в Болгарии не познали самих себя в момент, когда «оппозиция» начала двоиться, троясь и т. д. Честно и смело надо смотреть в глаза правде, а правда страшная: кому-то нужно разваливать казачье национальное движение... Кому, всем ясно и понятно без лишних слов.

«Во время боя смены нет» — твердо и ясно сказали свое слово в. казацкие делегаты на I-ом Вольно-Ка-

зачьем Кругу во Франции в 1935 году, избрав Походного Атамана В. К. Твердо и сотико стоим за ним мы — Округ В. К. во Франции, который отбил и отразил все атаки «оппозиции». Ныне, казацкие патриоты приобрели то, что не имели ранее, а именно политическое воспитание, политическую зрелость и... прозорливость!...

Не покладая рук, будем работать над освобождением многострадального Казачества, будем упорны в своих дерзаниях, стойки в своем единомыслии, беззаветны в своем патриотизме, скромны в определении своих заслуг... и беспощадны с предателями, так же, как и с внешним врагом.

Час действительной борьбы приближается. В осознании сего, счастлив еще раз засвидетельствовать восхищение возглавляемого мной Округа, выявлением твердой воли и желанию работать на пользу и благо Казачества, высказанных Окружным Съездом казаков-националистов в Болгарии в дни 15—16 мая с. г.

Бог в помощь на все время..

Слава Казачеству!

Окружной Атаман В. К. во Франции

А. Ленивов.

Казачья эмиграция

ВК в Румынии

довольно оппозиции.

Привет казачьим патриотам.

Хуторское правление ВК хутора в Румынии (район Рахова) получило от окружного атамана С. Маргушина копию прокламации Петра Крюкова и журнал «Казачию». Ознакомившись с содержанием этих материалов, правление собрало хуторской сбор на 6 июня, где был заслушан доклад окружного атамана С. Маргушина о казачьих оппозиционерах и о патриотическом выступлении ген. И. Н. Коноводова. Хуторской сбор постановил:

1. Держаться избранного I-м окружным ВК Съездом в Румынии своего окружного правления и Походного Атамана ВК И. А. Билого и никакой связи с противниками, вносящими раскол в единое ВК национальное движение, не иметь.

2. Приветствовать ген. И. Н. Коноводова за его самостоятельное казачье выступление на страницах журнала «ВК».

Желаем ген. И. Н. Коноводову сил и здоровья на пользу нашей будущей казачьей державы — Казакии. Слава Походному Атаману ВК и всему возглавляемому им ВК!

Хуторской атаман Ф. Косов, помощ. атамана Т. Валуисков, за писаря А. Рыхлов.

ВК в Германии

В БЕРЛИНЕ.

I.

Объединение казачьих патриотов.

Приговор общего сбора членов ВК имени К. Л. Бардижа хутора в Берлине и группы независимых вольных казаков (отпавших от оппозиции) 12 июня 1937 г.

1. Заслушав сообщение Г. А. Козловского о принципе, на котором создаются ВК организации, постановили: объединиться в одну ВК семью около существующего уже хутора.

2. Заслушав предложение В. И. Бабича о настоятельной необходимости учреждения в Берлине солидной и спаянной крепкой дисциплиной организации, постановили:

В ознаменование 300-летия взятия Азова, переименовать хутор в станицу имени Атамана Михаила Татаринова.

Мотивами для переименования послужили следующие

соображения: 1) увеличение вдвое состава организации, 2) необходимость иметь в политическом и административном центре государства — Берлине солидную ВК организацию.

3. Помощник хуторского атамана О. Г. Козловский заявляет, что ввиду увеличения вдвое наличного состава членов организации, он полагал бы необходимым произвести выборы должностных лиц, дабы, таким образом, дать возможность поработать на славу ВК и кому либо из вновь вступивших.

Абсолютным большинством заявление это одобрено.

4. Выборы должностных лиц. Закрытой баллотировкой выбранными оказались:

Атаманом станицы хорунжий В. И. Бабич, помощником атамана О. Г. Козловский, писарем А. П. Апостолов, казначеем В. К. Бурьянов.

В ревизионную комиссию выбраны единогласно: войсковой старшина Н. Г. Судоплатов, С. А. Бендюк и А. Ф. Петренко.

5. Заслушав предложение А. Ф. Петренко об уменьшении членского взноса, постановили: членский взнос оставить в прежнем размере, т. е. 50 pf. ежемесячно. Правлению предоставить право в отдельных случаях уменьшать сумму членского взноса и даже совершенно освобождать неимущих от взносов.

6. Общий сбор выразил благодарность старому хуторскому правлению за его дружную работу по созданию объединенной ВК станицы.

Адрес станичного правления: Herrn W. Babitsch, Berlin W 50. Fürtherstr. 6/7.

Атаман станицы В. И. Бабич, помощник его О. Г. Козловский, писарь А. П. Апостолов, казначей В. К. Бурьянов.

II.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР ПО ОППОЗИЦИИ.

Изоляция Г. Овсяника.

Давно уже в Берлине среди казаков (особенно среди разочаровавшихся в оппозиции) шли разговоры о необходимости сплотиться около того, что ближе казачьему сердцу.

Такому исканию своего много помог и опереточный «окружной съезд» нашей убогой оппозиции, созданный здесь г. Овсяником. Некоторым, бывшим на этом «торжестве», раскрылись еще больше глаза... Словом, совместные разговоры по душам, страстное желание слиться во-едино и привело, в конечном результате, к общему сбору всех тех, кто стал на путь необходимости самого тесного сплочения всех казачьих национальных сил.

Сбор сосотоялся 12 июня. Прошел он в прекрасной атмосфере, свидетельствующей о здоровом сознании того, что сейчас творится в эмиграции вообще и, в частности, в Берлине. Никаких споров, никаких полемик. На редкость все вопросы решались единодушно.

В самом начале сбора Г. А. Козловский отметил, что лица, вступающие в семью ВК, обязаны помнить, что прежде всего необходимо блюсти самую суровую дисциплину.

Собравшиеся выразили горячее желание поработать для своего казачьего дела именно около своего Парижского центра.

Говорили о больном тщеславии многих политических недорослей, возмивших себя «отечественными Наполеонами» и своими не культурными и грубыми замашками позорящими казачье дело.

За поздним временем, далеко на все очередные вопросы дня были рассмотрены. На очереди память Азова, культурно-просветительная работа, организация дамского кружка и много иных вопросов.

В добрый час!

(Соб. кор.).

ВК во Франции

В СОШО.

На празднике казаков, грузин и украинцев.

29 мая с. г. Бельфорская ВК имени Н. С. Рябовола станица, совместно с грузинской ассоциацией в Сошо, отпраздновали 20-ти ление восстановления Кругов и Рады и 19-ти ление объявления независимости Грузии.

Зала была украшена национальными флагами. На стене висели гербы, а над ними национальные флаги: Грузии, Казакии, Украины и Франции. Под гербом Казакии надпись: Казакия — наша цель. Наш девиз — Казачья Воля.

При входе каждому прикалывались национальные значки. Собрание было многолюдным.

К грузинам из Парижа приезжали А. И. Чхенкели и проф. Ефим Семенович Тайкашвили.

В 10 часов утра г. Бакрадзе, открывая собрание, произнес речь, в которой указал на значение торжества и выразил сожаление о том, что не смог приехать Походный Атаман И. А. Билый. Подробнее говорил он о современном международном положении.

Затем слово было предоставлено А. И. Чхенкели, который говорил (на французском, грузинском и русском языках) о международном положении и о его значении для Грузии, Украины и Казакии. Он указал на новую советскую конституцию, разобрав подробно параграфы, касающиеся отдельных республик. Говорил и о последних событиях в сов. России, о расстреле старых большевиков. Сделал и соответствующие выводы: Расправы внутри страны говорят за неустойчивость положения в сов. России. Национализм среди нерусского населения растет, развивается своя культура и с этим сов. власть уже не сможет справиться. Новая советская конституция показала всему свету изнанку настоящей России. Существование различных республик говорит за то, что под игом красной Москвы находятся целые народы.

Развитие национализма и собственной культуры у народов говорит за то, что они безусловно освободятся из-под московской опеки. Освобождение, конечно, начнется не с эмиграции, а там, внутри, но это значит, что эмиграция должна сложить руки и ожидать дня освобождения. Эмигранты должны сохранить свои силы, тесно объединиться, воспитывать молодое поколение в национальном духе, готовить людей для той работы, которая предстоит по освобождению своих государств. В нужную минуту вся эмиграция должна влиться в ряды борцов за независимость.

Закончил свою речь А. И. Чхенкели призывом к единению грузин, вольных казаков и украинцев, дабы общими силами идти к верной победе.

Станичный атаман И. А. Тищенко, поздравив грузин с 19-ти летней годовщиной объявления независимости, а казаков с 20-й годовщиной восстановления Кругов и Рады, выразил благодарность Франции и ее народу за оказанное гостеприимство.

Дальше он говорил о происхождении Казачества, о его самостоятельном существовании, о недавнем восстановлении Кругов и Рады, о причинах неудавшейся войны с большевиками и т. д.

Закончил свою речь ст. атаман призывом к казакам — объединиться на национальной платформе, сговориться с украинским и грузинским народами, борющимися за те же идеалы.

Представитель украинцев, поздравив грузин и казаков с юбилейным торжеством, описал вкратце историю грузинского народа, говорил о его высокой культуре в те отдаленные времена, когда еще границы России были далеко от Грузии. Несмотря на то, что Грузия небольшая страна, она не знала ига над собой и только в недавнем прошлом Московия задушила грузинскую свободу.

Профессор Е. С. Тайкашвили говорил на грузинском языке, а часть речи по русски. Речь его в общем свелась к тому, что он призывал всех грузин забыть политические разногласия и объединиться на национальной платформе. Если все грузины проникнутся национальным духом, им обеспечена победа. Конечно, многие из нас не доживут до того светлого дня, но грузинское молодое поколение доживет и увидит свою родину свободной, а погибшим борцам за светлые идеалы воздадут должное.

Дальше Е. С. Тайкашвили говорит о Казачестве: Никто не мог думать, что Казачество так быстро осознает себя национально и что его культурная деятельность так быстро разовьется. Национализм среди Казачества настолько окреп, что больше он уже не умрет и Казачество со своего пути не сойдет. Культурная и политическая работа, проделанная журналом «ВК», служит залогом лучшего будущего Казачества.

Заканчивая свою речь, оратор также призывал к объединению грузин, вольных казаков и украинцев.

Речи всех ораторов покрывались продолжительными аплодисментами.

Около часа дня был устроен перерыв, во время которого все группой сфотографировались.

Около двух часов дня все заняли места за своими столами. Последовало предложение избрать томаду. Избран был А. И. Чхенкели. Он пояснил роль и обязанности томады, указав на то, что этот обычай ведется с незапамятных времен. Избрав себе двух помощников, А. И. поручил председателю собрания г. Бакрадзе сказать слово, посвященное какой либо национальности, присутствующей на торжестве.

Г Бакрадзе говорил об украинцах.

Во время банкета не мало было уделено внимания ВК г.г. А. И. Чхенкели, Е. С. Тайкашвили, князем Емухрадзе и г. Бакрадзе. Было рассказано несколько эпизодов о встрече некоторых из вышеуказанных грузинских политических деятелей с казаками. Они задолго до революции интересовались казаками и изучали казачий вопрос.

Во время банкета были произнесены тосты за грузинского президента **Жордания** и Походного Атамана ВК **И. А. Билого**, не присутствующих на торжестве.

По-переменно пелись национальные песни.

Банкет закончился в 6 часов вечера, а в 10 начался бал, продолжавшийся до часу ночи.

Слава Казачеству!

Сообщил: Ф. Жуков.

В ТУЛУЗЕ.

На празднике французских комбатантов.

Тулузская ВК станица и группа казаков джигитов (националистов) по приглашению Национального Союза Французских комбатантов, приняли участие в празднике (конгрессе), устроенном комбатантами департамента Верхней Гароны 23 мая с. г. в Сэн-Жори.

На заседании конгресса казаки националисты присутствовали в своей казачьей форме. На трибуне, позади президиума, были развернуты два флага: национальный французских комбатантов и национальный ВК.

После заседания конгресса, кортеж двинулся к местной церкви для присутствия на богослужении у па-

мятника жертвам войны. Во главе кортежа шел оркестр, за ним следовали казаки националисты в порядке: ст. атаман **И. Хрипушин** и старший группы джигитов **Сопильняк**, позади — **С. И. Шепель** с национальным флагом ВК и два ассистента, за ними помощник станичного атамана **Гущин** нес венок из живых цветов, перевязанный казачьей национальной лентой. За ним следовали остальные казаки (14 человек были одеты в казачью форму).

За группой казаков следовали украинцы, во главе с головой громады паном **Радкевичем** с венком и надписью на украинской национальной ленте, а за ними другие группы и корпорации.

После официальной церемонии у памятника, кортеж направился к зданию мэрии, где мэр г. **Брей** встретил кортеж приветственным словом. Представители присутствующих организаций благодарили мэра за оказанное гостеприимство. От ВК станицы говорил ст. атаман **И. Хрипушин**.

В два часа начался общий обед (банкет). Присутствовало всего 300 человек. На трибуне были приготовлены места (по карточкам) для представителей корпораций и организаций. Были представлены: полк. **Грос** (представитель командира XVII-го корпуса), г-н **Амио** (пред. нац. союза комбат.), г. **Брей** (мэр Сэн-Жори), г. **Жисо** (ген. секретарь НСК), г. **Фонтане** (делегат НСК де Миди), священник **Шанси** (помощн. председ. НСК), маркиз **Дебержон**, полк. **Давид**, полк. **Альбафус**, полк. **Дарномт**, представитель итальянских комбатантов, предст. бельгийских комбатантов. От казаков — ст. атаман **И. Хрипушин** и от группы джигитов — **Сопильняк**. От украинцев — голова громады **Радкевич**.

Перед концом банкета произносились речи.

Станичный атаман **И. Хрипушин** сказал в своем слове (на французском языке): Дорогие друзья! мы, казаки, весьма рады быть сегодня вместе с вами и участвовать в вашем сегодняшнем торжестве. Мы имеем честь выразить глубокую благодарность и наши искренние чувства признательности вам и всей Франции за оказанное нам здесь гостеприимство. Нам хорошо известны ваши усилия и желание объединиться всем вместе для защиты вашей родины Франции. Ваш героизм — лучший пример и для нас, казаков, в будущей нашей борьбе за свободу и независимость нашей дорогой родины — казачьей республики. Мы, казаки, всегда говорим: да здравствует свобода народов, да здравствует Франция и да здравствует свободное Казачье государство!

Речь атамана была покрыта бурными аплодисментами и криками: Да здравствует национализм!

В три с половиною часа дня началась джигитовка. Джигиты доказали на деле свое искусство. При очень большом числе зрителей, джигиты дали все, что могут дать хорошие джигиты: энергию, ловкость, способ-

ность. Худшего не было, каждый старался сделать свой номер лучше другого. Особенным успехом пользовались **Сопильняк** и **Матякин**.

После джигитовки казаков приглашали на расхват. Каждый желал, чтобы казаки сидели за одним с ним столом. Не давали казакам покоя и фотографии, аппараты щелкали всюду, где только могли ухватить казака. Снимали в одиночку и всей группой. А перед джигитовкой весь состав правления Союза и казаки сфотографировались общей группой «на память».

Сообщил: **И. Х.**

ОБРАЩЕНИЕ.

Дорогие станичники упоринцы!

Получив свой журнал «ВК», я увидел там фотографию мной уважаемого станичника Петра Ефимовича **Мирутина**.

Прочтя все то, что пишет станичник **Я. Негреев** о желании покойного **П. Е.**, я не могу не сделать всем упоринцам и его друзьям, находящимся во Франции, предложение: сделать сбор своих лепт и послать по указанному в журнале «ВК» № 222 адресу.

Вот я и обращаюсь ко всем упоринцам и его друзьям прислать свои пожертвования на сооружение памятника по адресу: **А. Пунофф, 27, rue Gambetta, Auch (Gers)**.

Деньги можно присылать почтовыми марками в письме. О всех пожертвованиях будет отдаваться отчет через окружного атамана во Франции.

Для того, чтобы не задерживать пожертвований, прошу прислать таковые до 10 июля, а после этого все собранные суммы будут пересланы по назначению.

Атаман ВК имени Атама Некрасова станицы в Оше
А. Ильинов.

ВК в Югославии

ПО ВК ОКРУГУ.

1. Зачисляю в списки Округа: а) в состав Нишской ВК имени **А. И. Кулабухова** станицы: **И. Н. Месищева**, **И. И. Матейкина** и **П. Шишкова**.

Основание: постановление станичного сбора от 3-У-37 г.

б) В состав Борской ВК имени **Н. С. Рябова** станицы — **К. Супруна**.

Основание: постановление станичного сбора от 6-У-37 г.

2. Числящихся в списках Грделицкого ВК имени **Н. С. Рябова** хутора, а проживающих в Лесковце — **П. Лега** и **Н. Фисенко** перевожу в Лесковачский ВК имени **Гордиенко** хутор.

3. В прошлом номере журнала, в рубрике «по ВК Округу»: под 3 следует читать: **Н. Г. Каменскова**.

4. Новых членов Округа приветствую со вступлением в ряды казаков националистов и желаю им полного успеха в делах на пользу Казачьего Народа.

5. Утверждаю выбранное на станичном собрании 23-У-37 с. г. правление Белоцерковской ВК имени И. Некрасова станицы. Слава Казачеству!

Окружной атаман инж. Н. Букин.

В КРАГУЕВАЦЕ.

I.

Генералу Коноводову.

5-У-937 г. на станичном сборе Крагуевацкой ВК имени А. И. Кулабухова станицы, после окончания решения вопросов, поставленных на повестку дня, станичник **И. Билюс** обратился к станичному атаману с просьбой разрешить прочитать написанное им приветствие от имени нашей станицы ген. Коноводову.

Сбор, выслушав таковое, единогласно постановил послать его в редакцию нашего журнала и просить Походного Атамана напечатать в журнале. Приветствие гласит так:

Ваше Превосходительство! Мы, вольные казаки Крагуевацкой ВК имени А. И. Кулабухова станицы, встретившись с Вашим радостным для нас ответом «Слышу!», горячо приветствуем Вас от всей глубины нашей казачьей души. Появление в наших рядах такого боевого генерала укрепляет веру в наших сердцах в конечную победу начатого нами Казачьего Дела.

Ваше Превосходительство, Вы лишний раз подтверждаете, что ВК стоит на правильном пути и что оно действительно находится в надежных и крепких руках, что руководитель этого движения вполне заслуживает доверия казаков, национально мыслящих и политически прозревших. Под мудрым водительством нашего Походного Атамана и с Вашим знанием военного искусства наш национальный корабль тордо отразит все надвигающиеся на него волны грядущей борьбы и прибудет в казачьи воды.

Мы развернем там свои грозные лавы казачьего национального фронта и под синемалиновожелтым стягом, по Вашей команде — лики к бью, шашки вон! — за честь отчины, смерть отцов, за жизнь детей, за честь и жен и матерей, за волю и заветы наших славных предков, — в последний смертный, но славный бой марш-марш все с Богом!... И мы все на кровавом поприще набросимся и с честью мы вернем свободу нашему казачьему народу.

Мы уверены, что пример наш будет примером и грядущим поколениям, которые должны будут так политически образованы и национально воспитаны, чтобы русскому мужику и на ум не пришло больше совать свой нос в казачьи дела.

Нас, рядовых казаков националистов, наш родной журнал научил ценить свободу и своих вождей и мы теперь отлично знаем, почему Казачество потерпело поражение и до сих пор бродит по оврагам своей трагедии... Теперь и в будущем мы не позволим врагам Казачества расправляться с нашими вождями.

Ваше Превосходительство, Ваше присутствие в наших рядах взбудоражило наши сердца и подняло наш дух — будто в наши ряды влились сотни новых бойцов.

Враги ВК обыкновенно говорили нам: да что вы можете сделать, ведь у вас ни одного генерала... А мы на это всегда отвечали так: этим вы нас не запугаете, а себя не успокоите, ибо мы уверены, что все честные генералы и офицеры казачьи будут на своей дороге, на которую их тянет кровь и совесть, а нам такие именно только и нужны, таким мы только и доверим свою судьбу и с такими вождями мы смело пойдем в бой и сумеем их защитить, не щадя своих жизней.

Скоро настанет час восхода казачьего солнца свободы, которое озарит своими лучами нашу родную

Казачью и исцелит весь казачий народ и укрепит Господь в нем дух к защите своей родной земли, за которую Казачество отдало сотни тысяч лучших сынов.

Надеемся, что и те казачьи офицеры, которых Вы в своем «Слышу!» просите отозваться, не умолчат и в скором времени будут с нами.

Да укрепит Господь упорство и мудрость в борьбе за правое дело нашего Походного Атамана и всех его близких сотрудников.

Слава нашему Походному Атаману, Слава ген. Коноводову! Слава Казакии!

Станичный атаман **Картамышер**.

II.

Казакам националистам в Болгарии.

ВК имени А. И. Кулабухова станица в Крагуеваце (Югославия) на станичном сборе 5-У с. г., прочитав в журнале о III-м чрезвычайном ВК окружном Съезде в Болгарии, постановила:

Выразить сердечную благодарность членам III-го ВК окружного Съезда в Болгарии, а особенно инициаторам созыва такового, которые поняли и учтили вред вражды в округе, губительной для ВК движения и достижения казачьей цели — образования своего независимого государства Казакии. Избрание нового окружного правления и присоединение к Парижскому ВК центру — Походному Атаману ВК — И. А. Билому, считаем правильным и мудрым решением. Вы поступили по казачьи.

Да здравствует Казачий Народ! Слава Казачеству! Довольно нам, братья казаки, сеять вражду между собой, довольно делать ошибки. Станем все, как один, под ВК флаг и крикнем в один голос:

Да здравствует Казакия и Казачий Народ! Слава Казачеству!

Станичный атаман **И. Картамышев**.

В КОЧАНЕ.

Приезд окружного контролера.

5 июня Кочанскую ВК имени Н. С. Рябова станицу посетил окружной контролер **К. А. Карнаухов**. Это было первое посещение Кочанской станицы членом окружного правления.

Ввиду того, что гость наш долгим путешествием до заброшенного городка Кочане был утомлен, встретившись его на станице казаки, после обеда у гостеприимного атамана станицы **С. С. Дацуна**, предложили ему отдохнуть, а сами тем временем пошли созывать на 5 час. вечера казаков послушать редкого гостя.

К 5 час. вечера казаки собрались во дворе атамана и под открытым небом, в тени под акацией, прослушали новости, которыми поделился с нами **К. А.**

Главной причиной его приезда было объяснить казакам большое значение проектируемого вольными казаками **манифестационного парада в г. Нише**, который приурочен к освящению памятника сербским воинам, погибшим при освобождении этого города от турок. В своей речи **К. А.** ознакомил нас со всеми намечающимися деталями парада, на который, по предположению, съедется до 300 вольных казаков.

Казаки настолько были заинтересованы этим проектом, что из присутствующих четверо тут же изъявили желание участвовать в параде.

По окончании доклада, **К. А.** предложил казакам задавать ему вопросы. Беседа затянулась до 9 час. вечера, после которой казаки, попрощавшись с докладчиком, разошлись по домам.

На следующий день, рано утром, окружной контролер, провожаемый атаманом и казаками, уехал дальше творить казачье дело — **подымать столых среди казаков на парад казачьего национального сознания.**

Сообщит: **С. Бобринцев**.

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	40 фр.	80 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу:

Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.